

Серия «ВОЙНА МИРОВ»
премии-медали им. Герберта Уэллса
и конвент «РосКон» представляют автора

ГЮЛЯ АЛИЗАДЕ

ОЖИВШИЕ
КАМНИ АРГОСА

Война Миров

Гюльшен Ализаде

Ожившие камни Аргоса

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ализаде Г. А.

Ожившие камни Аргоса / Г. А. Ализаде — «ИП Березина Г.Н.»,
2020 — (Война Миров)

ISBN 978-5-907350-23-6

Правда или самообман?... Стоит ли задумываться над выбором, или он приходит сам и, не спрашивая, меняет нашу судьбу – ведь то, над чем мы не готовы властвовать, дабы не потерять покой души, властно над нами самими! Извечные вопросы и неизбежно честные ответы на них – вот та философия, которой придерживался в течение всей своей жизни великий скульптор Леонидас из Аргоса. Безграничная любовь, порожденная его душой, не смогла избежать недопонимания, повлекшего за собой неминуемое предательство. Но несмотря даже на испытываемое разочарование в жизни, статуи, создаваемые Леонидасом, вопреки противоречивости окружающего его мира обретают бессмертие, подобно Богам Олимпа! В чем же секрет?... Возможно в том, что он выбирает исключительную правду!

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907350-23-6

© Ализаде Г. А., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	17
Глава пятая	21
Глава шестая	24
Глава седьмая	27
Глава восьмая	31
Глава девятая	34
Глава десятая	37
Глава одиннадцатая	40
Глава двенадцатая	43
Глава тринадцатая	50
Глава четырнадцатая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Гюля Ализаде

Ожившие камни Аргоса

*Посвящается великому древнегреческому скульптору Поликлету
Старшему*

© Г. Ализаде, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Меня зовут Гюля Ализаде (Ализаде Гюльшен Арифовна), по профессии я врач-онколог, но на деле – писатель и музыкант.

В своем коротком биографическом очерке мне не хотелось загружать тебя, читатель, лишними сведениями о моей обычной человеческой жизни. Думаю, чтобы не заскучать, лучше перейти к самой сути.

С самого рождения и до последней минуты нашего существования в этом мире мы невольно обязуемся возвращать кем-то установленные долги, хотя зачастую даже не осознаем их смысла. И вот так и заканчивается детство, молодость и сама жизнь. «Но это естественно, – скажешь ты, – иначе нельзя и страшно непозволительно: ведь невозможно жить вне той строго установленной границы!»

Но от чего она нас отделяет?.. Думаю, в ответе на этот вопрос она и состоит – та парадоксальная суть, о которой идет разговор в моем биографическом описании. Единственное, что принадлежит лишь тебе в этом мире, – это выбор ответа.

Задумайся над собой, полюби и прими мечты своей души... Позволь ей (хотя бы иногда) взлетать на ту высоту, какую велит ее свобода!

Предисловие

Наверное, нет на свете человека, который не восхищался бы образцами искусства античной Греции. Монументальные храмы, скульптуры, философия творчества!..

Герой этой книги – молодой скульптор Леонидас, мечтой которого является создание «живых» скульптур. Он не может смириться с устоявшимися канонами, диктующими смиренное следование общепринятым правилам! Бросая вызов обществу, он понимает, что обрекает себя на неминуемое одиночество, но страсть к своему делу затмевает все остальные чувства.

Стремясь вдохнуть живое дыхание в камни, в глину, в бронзу, после долгих усилий, мучительных размышлений, душевных страданий, постоянного самосовершенствования Леонидас добивается своей цели... Свобода мысли – вот его жизненный девиз!

Герой книги не способен воспринимать события, происходящие вокруг него, так, как обязан их оценивать каждый человек его эры. Нет!.. Он противится всему тому, что навязывают ему люди, поскольку в его понимании правда – понятие, исключющее ложь в полном понимании этого слова: без оправданий, без лицемерия и корысти. Скульптор Леонидас из Аргоса ломает стереотипы, наделяя свои статуи настоящей человеческой мыслью!

Глава первая

– Как же можно было создать их такими бездушными?! Они идеальны ровно настолько, насколько неестественны! По какой причине ноги и руки этих статуй так плотно прижаты к телу? Разве мы – люди – стоим в подобном положении, или же наши глаза так же пусты?.. Кто их творец, посчитавший, что работа его завершена?! – громко возмутился худощавый юноша, разглядывающий две поставленные рядом друг с другом громадные статуи.

Это были *курос* и *кора* – высеченные из камня фигуры обнаженных мужчины и женщины.

Леонидас не заметил, как наступила ночь. Он долго бродил между гробницами, пытаясь отыскать более современные скульптуры.

«Где же творения Дедала, который хотя бы попытался сдвинуть с места эти каменно-неповоротливые существа?! Или же это старая часть кладбища, и мне необходимо выбрать себе иное направление?» – задавая вопросы, свернул назад юноша. Он старался найти путь, по которому пришел сюда, но слабый лунный свет не особенно помогал ему в этом.

Леонидас находился на большом городском кладбище, где было захоронено неисчислимое количество людей с момента освоения Аргоса. Еще немного поплутав среди многочисленных надгробий и статуй, он наконец-то понял, в чем изначально состояла его ошибка. Заказывать новые скульптуры, являющиеся показателем сословия человека, могли позволить себе лишь богатые люди, которые хоронили членов своих семей подальше от бедняков, надеясь, что те даже в мире ином будут обладать неким отличительным превосходством.

Порядочно устав за день (да и проголодавшись), Леонидас остановился. «Все, на сегодня хватит, нужно выбираться отсюда, пока души усопших не обрели силу темноты!» – решил он. Внезапно легкое дуновение, слишком явно коснувшееся затылка юноши, заставило его вздрогнуть.

«Пустяки, Лео, не трусь! Просто ночь явилась уж очень скоро!» – попытался успокоить себя он. Леонидас хотел было сделать очередной шаг, но... не смог. Его переполнило невероятно сильное желание встретиться лицом к лицу с тем, чего он не видел, но ощущал. «Нет-нет, я останусь! То, что есть сейчас здесь, живет и во мне! Я должен узнать, должен!» – судорожно думал юноша.

Начали трещать сверчки и еще какие-то неведомые насекомые. Звуков становилось все больше. К ним присоединился гул, словно исходящий из самых глубин земли и все больше нарастающий. «Ну что со мной может случиться здесь? В самом крайнем случае обрету весьма полезный опыт и стану на одну ночь храбрее!» – начал подбадривать себя он, внимательно оглядываясь вокруг.

– Да и нечего бояться кладбищ, гробниц, привидений! Все это надумано людьми, получающими от испытываемого страха удовольствие! – рассмеялся Леонидас, удивившись своим забавным мыслям.

Смех разлетелся по всему кладбищу, отозвавшись совершенно не похожим на звук его голоса эхом. Неожиданно наступила полнейшая тишина. Юноша почувствовал, как от вдруг появившегося перед ним ужасающего страха на голове зашевелились волосы, а дрожь пробрала все тело.

– Зевс, где ты, покровитель? – испуганно прошептал он.

Кладбище молчало, словно разглядывая его. Леонидас оцепенел, понимая, что происходит нечто, не поддающееся по-человечески живому объяснению.

– Гера, помоги, великая Богиня! – воскликнул он.

В то же мгновение прямо у его ног послышался звонкий щелчок сверчка. Юноша облегченно вздохнул. Звуки вновь начали заполнять гордую, холодную атмосферу.

– Благодарю тебя, Царица! – не сдержав радости, громко крикнул Леонидас.

Но на этот раз ничего не изменилось. Довольно улыбнувшись, юноша прилег между двумя гробницами на землю, уже будучи не в состоянии стоять на ногах. Смотря на ночное светило, он на короткое время забыл, где находится. Все его мысли сосредоточились на мутном световом кольце, которое создавала вокруг себя луна.

В какой-то момент Леонидасу показалось, что он начал слышать знакомые слова в странном шепоте окружающего его невидимого мира; однако, устав от своего же неконтролируемого анализа происходящего, юноша постарался сконцентрироваться лишь на том, чтобы быстрее погрузиться в сон.

Плотно сжав веки, Леонидас запрокинул руки над головой. «Они не в силах воздействовать на тебя физически, помни это! Усопшие способны ожить лишь в твоих мыслях – конечно же, если ты сам откроешь им дверь своего разума! Верь в свою, только лишь в свою силу!» – вспомнил он слова матери, которую видел в последний раз в ночь перед землетрясением, забравшим жизнь единственного родного и любящего его человека на этой земле. Тогда еще, в детстве, Леонидас долго искал ее среди разрушений, но так и не смог найти.

– Да, ты была права, Ариадна: все вокруг обретает жизнь только лишь в то время, когда люди начинают в это верить! Или мы наделены божественной силой, или же вся наша жизнь – сплошная, выдуманная нами же самими галлюцинация и ложь! – грустно улыбнувшись, прошептал он.

Сквозь закрытые веки Леонидаса потекли слезы. Он не мог их сдерживать, когда вспоминал мать. Перед его глазами предстал вынырнувший из одинокого прошлого, боящийся темноты ребенок. Он окинул юношу беспомощно сердитым взглядом и сразу же исчез.

Этой странной ночью Лео видел прекрасные сны. В них ему удалось достигнуть своей мечты – создать совершенно иные скульптуры, которые могли передвигаться и обмениваться немymi, но весьма красноречивыми эмоциями между собой. Его лицо светилось от счастья осознания победы над непоколебимыми гордыми камнями, ведь он обладал большей силой, нежели водные стихии, которые, точа их, уничтожали, растворяя в себе. Он же знал, когда необходимо остановиться, чтобы, преодолев мощь камней, наделить их новой, не сравнимой ни с чем другим красотой.

Юноша проснулся от веселого щебетания ранних птичек. Открыв глаза, он глубоко вдохнул свежий утренний воздух и поднялся на ноги. Все, что вчера внушало ему страх и чувство безнадежности, изменилось до крайней степени, представ перед ним новым (возможно, долгим и трудным, но желанным) путем, ведущим к невероятным достижениям, которых так жаждала его душа.

По дороге он заметил старую полуразвалившуюся гробницу, на которой были высечены имя усопшего и изображение самого атлета. Местами оно было стерто, но, несмотря на это, было видно, как древний художник в свое время весьма удачно начертил изгибы мужской фигуры, воссоздав идеальные пропорции человеческого тела.

«Вот как надо работать! Да, это именно оно! То, что я искал здесь! Какие-то незначительные штрихи, правильно выбранная поза – и он уже готовится к прыжку! Этот атлет просто идеален! – мысленно восклицал Леонидас в сердцах. – Вот, именно здесь, при любовании этим произведением возникает вопрос, который так мучает меня!.. Почему же нельзя воссоздать то же самое, но в натуральную величину? Зачем доказывать и без того очевидное, что статуи, скульптуры состоят из камней?! Ведь возможно сотворить из них нечто иное, открыв, изучив, продемонстрировав другую сторону их жизни! Да, да, именно жизни, а не пустого мертвого существования!»

Оставив попытки пробраться на другую часть кладбища, он поспешил покинуть его. Спеша, волнуясь из-за своих переживаний и мыслей, юноша выбежал через каменные ворота, которые были украшены изображениями сцен из жизни богов Олимпа, и всего лишь на миг обернулся, устремив взгляд на фигуру раскинувшегося на их верхушке великого Зевса. На его

громадных руках и ногах виднелись крошечные детские фигурки, что символизировало людей, которых он создавал, охранял, наказывал, помогал, забирал к себе.

– Хвала Зевсу, хвала Зевсу, хвала Зевсу! – три раза повторил Лео, взглядевшись в суровое лицо Бога всех Богов своего народа. – Знаешь, я отличаюсь от всех других людей, за что выражаю тебе свою благодарность! Леонидас из Аргоса воплотит в жизнь то, для чего ты послал его на землю, о великий царь Олимпа! – с гордостью прибавил он.

Непоколебимое выражение лица каменного Бога придало ему еще бóльшую уверенность – так что Леонидас ощутил себя таким же гигантом, как те ворота, от которых он еще некоторое время не мог отвести своего упорного взгляда.

Юноша наконец-то понял, как начать то, что он задумал...

Глава вторая

– Это наваждение какое-то, Филомела! Ты что, окончательно сошла с ума?! Стала такой же безумной, как тот сумасброд, сын той распутницы! Одумайся же, наконец, ну что в нем есть такого, чего ты не можешь найти в других? Тебе же замуж давно пора, глупая, а он никогда на тебе не женится! Даже если и решится, так я тебя за него не отдам! Слышишь, Филомела?! Этому не бывать! – гневно кричала полуседая женщина в белом ночном хитоне – длинном одеянии, свисающем бесчисленными складками ниже пояса.

– Как ты можешь подобным образом отзываться о Леонидасе, матушка?! Как не стыдно! – обиженно воскликнула юная худенькая девушка, стоявшая перед ней. Укоризненно покачав головой, она подошла к окну и отдернула занавесь.

– Я не согласна с тобой, матушка! Он очень талантлив и совсем скоро станет известным! – пристально вглядываясь в окно соседнего дома, с уверенностью в голосе произнесла Филомела.

– Леонидас, Леонидас! – раздраженно проговорила женщина. – Нашла на нашу несчастную голову голодранца! Ну-ка, отойди от окна, упрямая девчонка! – прикрикнула она на дочь.

– Не отстану я от него, матушка, нет! И перестань называть его так! Я не позволю тебе этого! – неожиданно для матери сердито вскричала Филомела и, поспешно накинув на плечи розового цвета хляину – тонкий плащ с неимоверно пышными складками, – выбежала из дома.

Мать не успела ее остановить. Ошеломленная дерзким поведением дочери, женщина лишь всплеснула руками.

Та же побежала к дому, манящему ее своим странным жителем, прямо на бегу пытаюсь собрать непослушные светло-русые волосы в узел на затылке.

– Он не ночевал дома, точно не ночевал! Где же он был тогда?! – прошептала девушка, остановившись у старой, пахнувшей гнилью деревянной двери.

Громко постучав в нее, Филомела отошла, нервно потирая влажные от пота руки. Дверь открылась, и на пороге показался старик – владелец дома, комнаты в котором сдавали бедным студентам его сын и невестка. Было очевидно, что он недавно проснулся, так как еще не успел (или же позабыл) снять с головы белый войлочный колпак.

– Никого нет! Прислуга на рыночную площадь пошла, а эти, – указал старик на что-то сзади, – поехали в Афины поглазеть на состязания атлетов. Меня оставили здесь, неблагодарные люди! Я что, обязан сторожить этот дом?! – размахивая руками, начал ворчать он.

– Я... я всего лишь хотела спросить! – опустив голову, нерешительно пробормотала девушка.

– Что ты там твякаешь, как собачонка?! – подойдя к ней ближе и подтолкнув ее кулаком в плечо, скрипучим голосом выговорил старик.

Филомела испуганно попятилась назад.

– Леонидас! Мне надо увидеть его... Меня матушка послала! – наконец-то решилась выговорить она более внятно и в тот же миг почувствовала, как выдуманная ею ложь проявила себя алой краской на ее щеках.

– Девчонка без стыда! – завизжал старик. – Распутница! К мужчинам бегаешь, да?! В костер бы тебя закинуть, чтобы сгорела заживо! Да еще при всем народе, чтобы и другим, таким же, как ты, неповадно было!

Филомела вскрикнула от произнесенных оскорблений. Она оглянулась по сторонам в надежде на то, что никто не услышал обвинений старика. Он же, шагнув к ней, замахал кулаками прямо над ее головой. В это мгновение кто-то сзади обнял девушку за талию и быстро оттащил ее от взбесившегося старика.

– Фили, – послышался низкий хриплый голос, – что здесь происходит?

Обернувшись, Филомела бросилась к юноше на шею и затряслась от рыданий.

– Чего ты разошелся, кириос?! – обняв девушку, прикрикнул на старика Леонидас. – По какой причине ты обижаешь ее? Уймись сейчас же!

– Замолчи, сирота, оборванец! Вот дождешься, что выгоню тебя из этого дома! Будешь спать на улице! Сгниешь, сгниешь на моих глазах вместе со своей блудницей! – изрыгая слюну из беззубого рта, закричал в ответ старик.

– Пойдем отсюда, – шепнул Филомеле на ухо юноша, не обращая на мужчину никакого внимания.

Они торопливо зашагали от дома, не оборачиваясь на громкие ругательства старика, который, по всей видимости, собирался возмущаться и проклинать все на свете до самого вечера, дабы заполнить хоть каким-то смыслом свою безнадежно пустую жизнь.

Дойдя до развалин древнего храма, молодые люди остановились. Леонидас кое-как расчистил ступеньки, ведущие к главному входу разрушенного землетрясением старого сооружения, и помог девушке сесть, заботливо придерживая ее за руку.

– Ты все еще не рассказал мне о том, где был минувшей ночью! – сжав пальцы юноши, настойчиво вперив свой взгляд в его глаза, обиженно произнесла Филомела.

В ответ Леонидас удивленно поднял брови.

– Фили, маленькая Фили, разве разрешено благочестивой девушке задавать мужчине подобного рода вопросы? Как это могло случиться, что твоя мудрая матушка не научила тебя этому? – весело подмигнув ей, юноша покачал головой.

– Не смей дразнить меня, Лео! Отвечай! – вскочив с места, звонко прокричала она. – Неужели ты намекаешь на то, что ходил в непристойные места?!

– Это какие такие непристойные места ты имеешь в виду? И что вообще это слово означает? Для каждого человека есть своя оценка того, как нельзя поступать, ровно как и того, как можно! – с невозмутимым видом произнес он, все еще улыбаясь.

– Не строй из себя философа, Леонидас! Хватит уже с меня! Я ухожу, и не думай меня останавливать! Не желаю более слушать весь этот бред! – негодовала охваченная ревностью девушка.

Она отвернулась, но сделать шаг не решилась, больше всего боясь того, что юноша ее не остановит.

– Ну и..? Куда ты собралась? – зевнув, устало проговорил тот. – Зачем настолько милой девушке так не терпится узнать, где я переночевал? А что, если ответ мой тебя не устроит, и ты огорчишься еще больше? А, Фили-Фили, малышка Фили? – рассмеялся юноша. – Что ж, так и быть, я отвечу на твой вопрос, но поверь, ты бы предпочла, чтобы я провел эту ночь в том месте, которое вызывает в тебе бурю беспричинной ревности, чем там, где я был в действительности!

– Не пугай меня, Лео! – широко раскрыв глаза, прошептала Филомела.

Она подошла к юноше и прильнула к его плечу.

– Ты же знаешь, как я переживаю за тебя! – проговорила девушка нежным голосом.

– Фили, малышка, мы же обсуждали это с тобой, – пытаюсь мягко отстранить ее от себя, смущенно произнес Леонидас. – Ты слишком юна для... всего такого!..

– Я знаю, что ты не любишь меня, Лео! И я не маленькая девочка! Понимаю: твои слова подчиняются мыслям, в которых меня нет, но не отталкивай вот так! – просила она, умоляюще смотря в его глаза. – Я соскучилась, любимый!

Леонидас ощутил дрожь в руках. Он быстро завел их за спину, чтобы не поддаваться желанию обнять ее.

– Фили, я не предназначен для серьезных отношений, ты знаешь. Не могу себе этого представить даже! Я скульптор, пойми... У меня много планов, обязательств перед богами и людьми! Каким ты видишь наш союз? Твоя матушка называет меня сумасбродом! Разве она согласится на то, чего ты хочешь от меня? – не зная, что именно сказать, совершенно запутавшись в чувствах, мыслях и настойчивом взгляде девушки, бормотал юноша.

– Неправда! – обиженно вскричала она в ответ. – Все это ложь! Ты всего лишь не хочешь брать на себя ответственность за другого человека! При чем тут моя матушка?! Не приводи глупых доводов, прекрати!

– Я не пара тебе, Фили, – продолжал виновато оправдываться Леонидас, – у меня другие мысли, иные цели в жизни! Моя голова забита идеями, которых тебе не понять!

– А ты пытался объяснить, рассказать?! Может, я и поняла бы тебя! Вполне возможно, что «маленькая Фили» не так уж и глупа! – с упреком в голосе ответила она. – Ты просто жесток, Лео! Эгоистичный и жестокий человек, которого интересует лишь собственная персона! Камни, о которых ты думаешь все время, постепенно превращают в них и тебя, заполняя твоё сердце холодным равнодушием! Ты не тот, что был год назад или даже вчера! Лео, ты меняешься с каждым часом, становишься неузнаваемым! – совсем расстроившись, заплакала Филомела.

– Фили, не надо! – тихо произнес он. – Не плачь, прошу тебя! Я так виноват, что вызвал в тебе чувство настолько сильной привязанности к себе!..

– Чувство сильной привязанности?! Лео, не надо так, не надо! – с болью в голосе вскричала девушка. – Я люблю тебя, и ты это знаешь!

Филомела вновь отвернулась, но уже с явным намерением уйти. Леонидас не стал останавливать ее, даже не успев понять, хочет он этого или нет. Юноша просто смотрел на ее все более отдаляющийся силуэт.

Но внезапно что-то нестерпимо защемило у него в груди. Догнав девушку, он схватил ее за руку и сказал:

– Я ночевал на кладбище...

Леонидас лишь смущенно развел руками, когда Филомела посмотрела на него глазами, полными удивления и ужаса. Оставив ее в этом состоянии, он пошел в неизвестном (даже ему самому) направлении.

Глава третья

Слишком требовательное, а порою даже несколько навязчивое поведение девушки насто-
раживало Леонида. Юноша был немного раздосадован.

«Неужели так все и должно быть между женщиной и мужчиной? – думал он. – И устраи-
вает ли меня происходящее или же я желаю избавиться от него?.. А что, если на миг предста-
вить свою жизнь без Фили? Но об этом мне тоже не хочется думать!.. Так чего я при таком
раскладе чувств действительно хочу? Как же сложно все, запутанно!»

Леонидас сел на траву и начал проводить по ее верхушке пальцами, еле касаясь.

«Вот они, краски земного мира! Хорошо, что Боги наделили людей способностью распо-
знавать окружающие их цвета, обделив, однако, некоторых из них внутренним светом! А есть
ли в моем мраке Филомела?! Возможно, она бродит где-то там, как заблудшая душа, которую я
своей невидимой силой стремлюсь сбить с правильного пути. Было бы честнее отпустить ее на
свободу, но я не могу сделать этого, поскольку ощущаю в ней нечто, чего жаждет мое темное
сердце! Мне невыносимо не быть честным, и потому признаюсь: как этой робкой траве необ-
ходим солнечный свет, чтобы стать привлекательной настолько, дабы у каждого живого суще-
ства возникало непреодолимое желание провести по ней рукой, так и мне нужна маленькая
Фили, которая больше всего на свете любит драматично объясняться в любви!» – улыбнулся
мысленно Леонидас.

Он решил вернуться домой.

Едва подойдя ко двору, юноша заметил, что Филомела, пытливо оглядываясь на дорогу,
стоит в переулке, неподалеку от мясной лавки. Леонидас сразу же спрятался за боковой стеной
первого дома и начал следить за ней.

Девушка ходила туда-сюда, то и дело приглаживая по привычке волосы. Ощущая ее бес-
покойство, юноша только решил было подойти к ней, как услышал оклик.

– Филомела, – позвал мясник Алексиус, – здравствуй!

Леонидас решил переждать.

– О, Алексиус, – обернувшись на голос, проговорила девушка, – я совершенно не заме-
тила, что стою у твоей лавки.

– Тебе надобно что-то? Я помогу! Прошу, скажи только, и я сделаю для тебя все, что бы
ты ни пожелала! – начал суетиться мясник.

– Я жду Лео... Подумала, может, он решит домой вернуться. Не знаю даже! Но нет, все
это напрасно! – строя предположения и колеблясь, с досадой в голосе ответила Филомела.

– Кого? Лео?! Нашего Лео?! – наигранно удивившись, воскликнул Алексиус. – Да брось,
Фили, какие у тебя могут быть дела с ним?!

Леонидаса охватило дикое желание схватить мясника за горло и протащить так по всему
кварталу. Но он не мог сделать этого при девушке.

– Алексиус! Тот, кого тут дожидались, уже здесь, так что, дружище, ты можешь возвра-
щаться к своим делам! – подойдя к ним, изо всех сил сдерживая гнев, надменно обратился
он к мяснику.

– Лео! – подскочив к юноше, радостно воскликнула Филомела. – Ты пришел! Я знала,
знала!.. Потому и дожидалась тебя здесь!

– Филомела, как ты себя ведешь?! – возмущившись, обратился к ней Алексиус.

Он едва удержал себя от того, чтобы не вцепиться в руку девушки и не оттащить от
Леонидаса.

– Спокойнее, Лекси, что это с тобой?! – остановив его движением руки, холодно прого-
ворил тот. – У тебя что, трудности со слухом? Сказали же, не лезь не в свое дело!

Алексиус побледнел. Он с ненавистью посмотрел юноше в глаза. Леонидас же, дерзко усмехнувшись, взял Филомелу за руку и, резко притянув ее к себе, обнял, совершенно забыв о том, что подобное поведение в его стране непозволительно по отношению к гречанке, не связанной с ним родственными или же брачными узами.

Филомела, на какой-то миг задержавшись в его объятиях, все же отстранилась от него. Взглянув на юношу, она смущенно улыбнулась, ее круглые щеки покраснелись. Счастливая девушка, не зная, как вести себя дальше, и ничего более не сказав, быстрыми шагами направилась к своему дому.

Леонидас смотрел ей вслед, совершенно игнорируя присутствие мясника, который, вконец взбесившись, готов был разорвать его на тысячу кусков.

– Как ты можешь так мерзко поступать с ней?! – подойдя вплотную к юноше, гневно проговорил Алексиус.

– Лекси, угомонись, – грубо оттолкнув его от себя, брезгливо поморщился Леонидас, – и ступай к своим тушам, они заждались тебя! Ты кем себя возомнил, что смеешь мне указывать на то, как я должен поступать с Филомелой?! Ты ей кто – брат, отец? Откуда эта... затрудняюсь даже назвать... смелость или же наглость?.. Да, скорее наглость, поскольку смелость присуща разумным людям!

– Ты со мной так не разговаривай, нечестивец! Знаю, видел я таких болтунов, как ты! – скрежеща зубами, сердито вскричал Алексиус. – Разливаешься при наивной девушке подобными хитроумными речами, она и поддается им! Но нет, со мной не пройдет! Я поставлю тебя на место, Леонидас!

– Пошел отсюда вон, Лекси! – нарочито равнодушно, спокойным голосом ответил юноша и, повернувшись, зашагал прочь.

– Не называй меня так, бездельник! Босоногий сумасброд! Куда ты пошел?! Я не закончил еще! – в бешенстве заорал ему вслед мясник. – Ненавижу тебя, оборванец!

Леонидаса все случившееся очень сильно разозлило, хотя он и не подал особенно виду. Юноша понимал, что эмоции Алексиуса – это не что иное, как следствие нежных чувств, которые тот испытывал по отношению к Филомеле.

«Может, все-таки вернуться и хорошенько поколотить этого наглеца, дабы выбить из него всю дурь?!» – подумал было юный скульптор. Однако неотвязное желание утолить вопиющий голод одержало верх, заставив его на какое-то время забыть о влюбленном мяснике и свернуть на *агору* – местную рыночную площадь.

Дойдя до лавки, где продавались вкусные ячменные лепешки, Леонидас ощутил, как от их свежего манящего аромата у него закружилась голова.

– Эй, паренек! – вдруг услышал он.

Юноша обернулся.

– Помоги мне, – обратился к нему хозяин лавки, – если хочешь заполучить парочку-другую лепешек, да еще и несколько монет в придачу.

– Да, конечно, – растерянно ответил Леонидас. – Что надо делать?

– Все это нужно аккуратно разложить на полках, – пояснил торговец, указав на целую гору лепешек на подмостках, которые совсем недавно были принесены рабами из соседней пекарни, снабжающей бедняков хлебом и лепешками из низкосортной ячменной муки, а зажиточных горожан – дрожжевым пшеничным хлебом.

– Я готов, конечно, помочь, да только подкрепиться мне надобно сначала, – смущаясь, произнес Леонидас. – Ну, чтобы повысить эффективность труда.

– Да бери, конечно же, ешь, – рассмеялся мужчина. – Вот сказал: эффективность труда!

Юноша быстро схватил две лепешки и запихнул их в рот.

– Ты же подавишься так, сынок, не торопись! Вот, запей! – протянув ему гидрию с водой, предложил торговец.

– Благодарю тебя, отец! – залпом выпив содержимое сосуда, ответил Леонидас и сразу же принялся за дело.

– Поел бы еще, – обратился к нему мужчина, но скульптор спешил завершить начатое, ведь ему многое надо было успеть сделать сегодня.

Распределив весь товар на полках, Леонидас вытащил из кармана четыре бронзовые монеты-лепты и протянул их торговцу.

– Что это? – удивился тот.

– Деньги за лепешки, – пожав плечами, промолвил юноша. – Но если этого мало, то вот еще! – покопавшись в другом кармане, он достал еще две монетки.

– Сынок, этого много за те лепешки, что ты взял! Да и зачем же ты тогда помог мне, коль у тебя и так было чем расплатиться? – всплеснув руками, воскликнул мужчина.

– Ты же сам попросил о помощи, отец! – рассмеялся Леонидас.

– Так я же подумал, что у тебя денег нет! – вытаращив глаза, ответил растерявшийся торговец. – А раз есть, чего же ты тогда босым-то ходишь и людей в заблуждение вводишь?!

– Ноги меня о свободе прошлой ночью попросили. Я не мог отказать, ибо каждый день загружаю их тяжестью своего тела. Я многим им обязан, понимаешь? – немного приблизившись к мужчине, словно намереваясь выдать ему чрезвычайной важности секрет, сказал юноша.

– Ноги... попросили? – переспросил тот так же тихо, решив, что ослышался.

– Именно они, – подмигнув ему, прошептал Леонидас.

Он не стал более дожидаться какой-либо реакции от совершенно ошарашенного его ответами торговца и, непроизвольно улыбаясь, продолжил свой путь.

«Почему же все – абсолютно правдивые – изречения обречены на то, чтобы казаться странными?! По какой причине, прежде чем ответить на тот или иной вопрос, человек обязан подумать о том, как воспримут сей ответ окружающие его личности, для которых ничто кроме их собственных рассуждений не кажется в полной степени нормой? Ведь честности в таком случае становится все меньше и меньше! Нет, так дело не пойдет... Кто-то все же должен взяться за столь ответственную задачу: дать свободу не только ногам, но и мыслям!» – рассуждал про себя Леонидас, перед глазами которого все еще стояло нелепое выражение лица бедняги торговца.

Глава четвертая

С тех пор как Леонидас обучился главному делу всей своей жизни, получив нужные знания и навыки по архитектуре и искусству скульптуры у учителя Аристэйоса, он начал метаться среди многочисленных идей и планов.

Вот и сегодня, уже простившись с великим скульптором и выйдя через дверь школы в новый, полный радостных ожиданий день, юноша закрыл глаза и подставил лицо солнцу, намереваясь впитать в себя необходимый заряд энергии от вечного светила. Леонидас улыбнулся и постарался задержать улыбку на лице дольше, чем это полагалось делать живому человеку. Но не прошло и минуты, как юноша заметил, что уголки рта начали дрожать, а радость сменилась нетерпением опустить голову и открыть глаза.

– Вот что не присуще каменным изваяниям! На то они и состоят из вечного, побеждающего время гранита, а мы – из хрупкой плоти, подверженной количеству прожитых лет! Природа, конечно же, знает, что делает, но я разгадаю все ее секреты, потому что влюблен в нее... – мечтательно произнес он вслух.

Сегодня Леонидас спешил посетить святилище Геры, расположенное на подножии горного хребта Эвбеи. Он несколько раз в неделю бегал туда, чтобы оставаться со своими мыслями наедине. Юноша смотрел на изображение богини, вытесанное на стенах храма, и недоумевал: по какой же причине здесь отсутствовала до сих пор ее скульптура?.. Геру он представлял себе настоящей красавицей, с четкими чертами лица и длинными струящимися волосами, которые спадали в реки, текущие по обе стороны от Герейона, воздвигнутого в ее честь.

Одна из рек – Элефтерион Идор – была олицетворением чистоты и непорочности. Ее любили и почитали настолько, что жрицы святилища использовали воду из нее для очищений. Другая, более бурная, несущая в себе потоки негодования и дикого свободолюбивого упрямства – Астерион, – являлась изгнанной Богами с Олимпа из-за своего неусмиримого нрава.

Леонидас почувствовал в себе потребность отдаться объятиям воображаемой богини-матери, чтобы ощутить ее сверхъестественную поддержку, перенять ее божественную мощь для уверенности в уничтожении прошлой жизни, которую он смог бы заменить новой, преисполненной совершенно невероятными и тем самым еще более желанными стремлениями. Он родился заново, обнаружив в себе абсолютно другого человека, способного понять свое предназначение и сделать то, чего от него ожидали Боги Олимпа.

– О Лео, Лео, ты не устал! Тебе всего лишь кажется, что солнце прожигает в данную минуту твои несчастные волосы, а под нею полную огня голову, поэтому думай о конечной цели и не жалуйся! – шутя, пытался подбодрить себя юноша, так как чувствовал невероятную усталость от жары и еле передвигал ноги.

Если к Зевсу он испытывал глубокое уважение и смиренную любовь, то с Герой дела обстояли иначе. Леонидас не мог найти в череде хаотичных мыслей тот момент, когда стал настолько зависимым от ее тихого присутствия в своей жизни. Покровительница полиса, где он открыл глаза на мир, хотела от него чего-то особенного, и он ощущал это именно той частью своей души, что не давала ему покоя.

Дойдя до храма, юноша остановился, чтобы в сотый раз в его жизни преклонить колени перед двойным шестиколонным преддверием ее обители.

– Гера, богиня, красавица-мать!.. Та, что делает землю Аргоса плодородной, балует его детей изобилием всего того, что могут подарить им небо и земля, здравствуй вечно, как и всегда! Гера, я вновь здесь! Надеюсь, что сегодня ты избавишь меня от муки долга перед собой и тобою! Шепни моему сердцу о сути своего ожидания от грешного, но любимого тобою Леонидаса, ибо только на тех, к кому благоволят боги и люди, и те и другие возлагают сокровенные

надежды! – протянув руки к вершине Герейона, прошептал он, боясь, что его может услышать еще кто-то, кроме богини.

Слова, обретя нежную легкость, разлетелись по его душе. Юноша был счастлив. Он чувствовал радость каждый раз, когда смотрел на колонны, поднимающие его к самым небесам.

– Я здесь, я есть, и все остальное – лишь пустяки, мелкие камешки, о которые можно споткнуться, а потом забыть об этом! Я воздвигну тебя, моя Богиня, сотворю твой образ, которому возрадуются даже камни Аргоса, и тем самым отблагодарю за то, что ты есть, я есть, и вместе мы представляем собой нечто неземное и способное любить! – произнес Леонидас, обращаясь к небу.

Пока он предавался воле мыслей, две жрицы вышли из храма и неторопливо побрели в сторону реки. В руках они держали большие ковши, куда собирались набрать воду для омощений. Юноша поспешил спрятаться за колоннами, чтобы не быть обнаруженным: ведь простым горожанам вроде него позволялось подниматься в храм только в седьмой день недели до полудня, когда богиня Гера могла наделить божественным вниманием своих земных детей. В остальное время беспокоить ее было запрещено, и это жестко каралось со стороны Гелиэи Фесмофетов – народного суда, состоящего из людей разного сословия. Они же выносили приговоры и заново выбирались в конце каждого триместра.

Судебные процессы начинались в полдень, завершая свою работу с заходом солнца, и по этой причине они называли свое сообщество Гелиэей – Солнцем. В судах участвовали трое архонтов – людей из высшего общества, выслушивающих остальных шестерых фесмофетов (выходцев из среднего сословия), которые были наделены правом принятия окончательного решения относительно определения вида наказания, применяемого к провинившемуся человеку.

Леонидас частенько нарушал закон, посещая храм в любой выбранный лишь им самим день недели. Юноша, несомненно, осознавал всю опасность данного действия, но запрещать себе что-либо не собирался, хоть и ужасался мысли быть осужденным и провести несколько недель в темнице.

Он выждал, пока жрицы зашли обратно в храм и, представив в воображении стоящую перед собой скульптуру великой Богини, поклонился ей.

Возвратившись домой к сумеркам, Леонидас осторожно открыл парадную дверь большим заржавевшим ключом, который сразу же уверенно закрипел, словно заявив во всеуслышание о своей старости и исходящем из нее праве на заслуженную ворчливость.

Юноша тихо пробрался через длинный коридор в свою комнатку, где, к своему удивлению обнаружил высунувшуюся из окна Филомелу. Высматривая что-то в темноте, она даже не заметила его присутствия рядом. На подоконнике стояла маленькая, но достаточно хорошо освещающая все вокруг лампадка.

– Что ты здесь делаешь так поздно? – шепнул Леонидас, наклонившись к волосам девушки.

Филомела резко обернулась и от неожиданности едва не вскрикнула.

– Зачем ты так подкрадываешься, Лео? У меня чуть сердце из груди не выскочило! – сердито выговорила она.

– Филомела, как ты вошла? И вообще, пристало ли девушке твоего происхождения и возраста прятаться по комнатам молодых людей? – с укором в голосе произнес Леонидас, отступив от нее назад.

– Ты куда от меня не денешься, Лео, я и шагу отсюда не ступлю, пока ты не расскажешь мне, в чем же дело! Я столько ждала тебя, столько дней и ночей сосчитала, пока ты не закончил свою учебу! А теперь... теперь ты не обращаешь на меня никакого внимания! – схватив юношу за руку, ревниво проговорила Филомела. – Думаешь, я поверила тебе утром, когда ты что-

то там бормотал про кладбище?! Наверняка сделал это, чтобы отвлечь меня от совершенного греха! Где ты был сегодня?.. Признавайся, но советую – придумай что-то более вероятное, в противном случае я просто задушу тебя!

– Ты еще здесь, ревнивая девчонка?! Я тебе врал, думаешь?! Может, это ты раскроешь мне причину своего абсурдного поведения?! – не на шутку рассердился юноша. – Мы не пара, Фили, и никогда ею не были! Ты нарисовала в своей голове то, о чем мне даже неизвестно! Я не обязан отвечать на твои вопросы! – возмутился он.

– Ты обязан, должен! И сам это знаешь, даже лучше меня! – повысила голос девушка, теряя самообладание.

– Не кричи, Фили! – строго обратился к ней Леонидас. – Что это значит?.. Почему я не могу просто прийти в дыру, которую считаю своим домом, и заснуть?.. Чего ты пристала ко мне?! Я устал, пойми, – а ты не даешь моим глазам, мыслям и телу отдохнуть и от себя, и... от тебя! Не приходи ко мне без приглашения, не надоедай!

Последние слова юноши окончательно вывели Филомелу из себя. От переполняющих ее сердце чувств она в первую минуту не нашлась что сказать, потом же продолжила, решив пристыдить его.

– Вот зачем я пришла! – со слезами обиды на глазах проговорила девушка и, подбежав к маленькой, прибитой к стене дощечке-полочке, взяла лежащий на ней сверток. – Это тебе, чтобы не остался голодным ночью!

Она сунула ему в руки свернутую в трубочку питу – вкуснейшую лепешку с оливковым маслом. Леонидас не успел опомниться, как Филомела выбежала из комнаты. Конечно, ему не впервые доводилось быть свидетелем скандалов, которые девушка периодически закатывала, но такого он не ожидал. Проблема зашла слишком далеко.

«Пора все расставить по своим местам, пока Фили окончательно не потеряла рассудок!» – решил юный скульптор, ощутив, как в его груди засело непонятно откуда взявшееся чувство вины.

– Ах, только этого не хватало! – с негодованием в голосе произнес юноша. – Мне необходимо думать о работе, о Гере, а я вместо этого терплю капризы глупой девчонки! О Боги, из-за какого моего прегрешения вы решили влюбить ее в меня, несчастного?! В чем я виноват перед вами?! – проворчал он и, сердито швырнув лепешку на пол, подошел к окну.

Пристально взглядевшись, Леонидас заметил, что Филомела уже успела добежать до соседнего двора. Он облегченно вздохнул. «Всё, там уже их дом. Ничего с ней не случится, перестань мучиться переживаниями! Да и на улице нет никого подозрительного! Конечно, кто в эту пору вообще не спит, кроме нее и меня?!» – раздраженно подумал он.

Взяв кусок угля, юноша сел на пол и попытался набросать на нем очертания женской фигуры. Но штрихи не удавались, и это занятие разозлило его еще больше. Леонидас никак не мог выбросить из головы навязчивые мысли о девушке, он корил и ругал себя за слабость.

– Что, чего ты хочешь, жалкий фигурник?! Ты способен лепить из глины только посуду и больше ничего! А еще фигурки, предназначенные для продажи на агоре, где ими восхищаются далекие от мира искусства люди! Уж лучше бы ты отказался от столь трудного выбора и работал бы торговцем, пересчитывая монетки и отпущенные тебе часы жизни для этого занятия!.. Глупец, где твой путь, почему ты не встанешь на него и не пойдешь в predetermined самой судьбой направлении? Отчего тебя привлекает возможность заблудиться и потерять свою тропинку там, где царствует существо, называющее себя жизнью?! Заблудиться с ней, с Фили?! Нет, нет, только не с ней! – потирая занемевшие виски, судорожно шептал он.

Леонидас снова подошел к открытому окну. Вдохнув свежий предутренний воздух, он посмотрел на еле просветлевшее небо. Величественная тень ночи со всей своей темной любовью обнимала его, еще усиленно сопротивляясь озарявшим ее проблескам неминуемо наступающего утра.

– Вот что надо вдохнуть в статуи!.. – воскликнул юноша. – Это то, до чего невозможно дотронуться, но что не дает покоя сердцу, волнуя его все с большей страстью! Настоящее чувство, порождающее человека в человеке!

Его голос эхом пронесся по одинокой улице...

Глава пятая

Филомела со всех ног помчалась к отчому дому – но не от страха перед темнотой, а скорее из-за сердечного волнения, которое девушка испытывала по отношению к Леонидасу – виновнику своих детских грез. Он представлялся ей этаким героем, который умел создавать красоту, разрушив материал, из которого она впоследствии неизбежно состояла.

По дороге домой девушка не боялась быть замеченной, предполагая, что в эту пору спят не только жители, но даже и собаки. По забывчивости Филомела оставила лампадку в комнате Леонидаса, а на улице было довольно темно, поэтому ей пришлось идти лишь по наитию.

«Все, я дошла!» – только облегченно вздохнула она, подойдя к двери, как чье-то частое дыхание сзади заставило девушку застыть на месте. Сердце ее бешено заколотилось. «Неужели?! Неужели Лео?» – с надеждой подумала она.

– Фили, стой! – послышался за ее спиной тихий голос. – Филомела!

– Алексис?! – обернувшись, насторожилась девушка. – Почему ты преследуешь меня в такое позднее время?.. Чего ты хочешь?!

– Я всего лишь пытаюсь защитить тебя от коварных людей, моя богиня! – волнуясь, ответил тот. – Зачем ты ходишь к нему по ночам? Как ты можешь так рисковать своей репутацией? А если бы этот грешник прикоснулся к тебе? Да я бы стал его палачом, Филомела! Леонидас всего лишь бездельник! Разве способен он составить достойную пару такой порядочной девушке, как ты? Люди поговаривают, что он не совсем в своем уме, и у меня есть этому доказательства! – даже не думая отставать от девушки, продолжал Алексис.

– Доказательства? – удивившись его словам, чуть было не расхохоталась Филомела. – Алексис, тебе надо хорошенько выспаться, а то несешь всякую ерунду! И хватит угрожать Леонидасу расправой, не смей! – пригрозила она ему пальцем. – Довольно тех глупостей, которых я наслушалась за сегодняшний день! Мне пора домой! Я должна войти прежде, чем проснется мать. А ты ступай уже отсюда! Ну же, живее!..

Девушка небрежно махнула рукой в сторону и отвернулась с брезгливым выражением лица. Филомеле не терпелось избавиться от назойливого парня, и она не думала даже скрывать свою недоброжелательность по отношению к нему.

– Иди, конечно же, поторопись! – подойдя к девушке так близко, что она почувствовала его дыхание на своем лице, прошептал молодой мясник. – Ты же знаешь, что Алексис никому про твои похождения не расскажет, но помни еще и о том, что он тебя никому не отдаст!.. Помни, Филомела, помни!

Девушка испуганно рванулась в сторону, чтобы отстраниться от него, но тот ухватил ее за талию и привлек к себе.

– Отпусти меня, подлец! – не сдержавшись, вскричала она.

Словно опомнившись, Алексис резко отдернул руки. Филомела, спеша, ворвалась в дом, выронив ключи на пороге.

– Фили, это ты там шумишь? – послышался голос проснувшейся матери.

Кириа Офелия уже стояла прямо перед дочерью, освещая ее бледное личико светом горячей лампадки.

– Я... Я встала... Кто-то постучался к нам, – еле слышно пробормотала девушка, опустив голову.

Удивленно оглядев ее с ног до головы, женщина подошла к двери.

– Когда же ты успела одеться? – с назревающим подозрением в голосе спросила она.

– Матушка, стой! Не надо! – попыталась остановить ее Филомела.

Но Офелия, мягко отстранив девушку, все-таки открыла дверь.

– Это ты, Алексисус? Что-то случилось? – увидев на пороге мясника, еще больше изумилась она.

– Кириа Офелия... да, это я! Вот, не рассчитал, перебрал вина сегодня ночью в таверне, да простят меня Боги. Потому случайно постучался к вам, – быстро солгал он.

Алексисус не сводил взгляда с прислонившейся к стене Филомелы. Она подняла на него глаза и сразу же опустила их, не выдержав его взгляда, словно прожигающего ее насквозь.

– Ничего не пойму, Алексисус, что ты там придумываешь! Ведь не подобает парню вроде тебя так, посреди ночи, околачиваться во дворе дома, где живет незамужняя девушка! Выпил чуток лишнего – так это твое право! Не осуждаю! Но что могут подумать о нас соседи?! – выговаривала ему недоумевающая Офелия.

– Да, кириа Офелия, вы правы во всем. Простите меня за беспокойство! – упорно продолжая смотреть на девушку, ответил Алексисус. – Предлагаю вам забыть обо всем, что произошло в эту ночь. Думаю, Филомела тоже поддержит меня!..

– Да, конечно же, забудем! – дрожащим голосом произнесла девушка. – Мне хочется спать! Пойдем, матушка, – обратилась она к матери, – прохладно что-то стало!

Все еще сонная Офелия, молчаливо согласившись с дочерью, зашла в дом.

Алексисус еще некоторое время стоял не сходя с места. Он был счастлив, поскольку смог что-то сделать для нее, своей любимой. «Теперь она точно обратит на меня внимание! Я помог ей, неприступной красавице Филомеле! Уверен, она забудет про этого умалишенного Леонидаса, которому одна дорога – в царство Аида!» – думал парень, решив уже пойти в свою лавку (где помимо того, что работал, еще и жил).

Проходя мимо дома, где оставался его заклятый враг, Алексисус взглянул в окно его комнаты. Заметив в нем слабый свет, он почувствовал, как волна ревности захлестнула его с еще большей силой. Сгорающего от любви парня так и подмывало ворваться к ненавистному скульптору и покончить с ним раз и навсегда.

– Не сейчас, Алексисус, не сегодня! Потерпи – и та, которую ты хочешь заполучить, скоро будет твоей! Этот оборванец... он тебе не соперник! – злобно прошептал он.

Мясник хотел было зашагать прочь, но что-то его остановило. Злоба, порождаемая его навязчивой привязанностью к Филомеле, переросла в непреодолимое желание избавиться от противника сейчас же. «Или сегодня, или же никогда! Он каждый день околдовывает ее своими сумасшедшими идеями, потому она, молодая и неопытная, всецело доверяется ему!» – гневался Алексисус.

Он взволнованно ходил взад и вперед по улице, не решаясь все же на отчаянный шаг.

– Алексисус? – вдруг услышал молодой мясник голос Леонидаса.

Подняв голову, он увидел высунувшегося из окна юношу.

– Что ты здесь делаешь в такую пору? – словно что-то заподозрив, встревожился Леонидас.

Алексисус сжал кулаки.

– Разбудишь людей, будь тише! Спустись лучше, у меня разговор к тебе есть! – надменно ответил он.

– Разговор? – переспросил, распаясь, скульптор. – Что ж, я сейчас! Давно намереваюсь поговорить с тобой по душам!

Леонидас, конечно же, понимал, отчего некоторое время назад в нем появилось бешеное желание побить мясника, но слово «разговор», так нагло произнесенное устами Алексисуса, не понравилось ему настолько, что он решил сделать это сегодня и с большим удовольствием ринулся на улицу.

– Ну, вот я и здесь, перед тобой, Лекси! – вызывающе обратился к нему юноша, подойдя почти вплотную.

Алексиус задрожал от злости. Подобная метаморфоза своего имени, да еще к тому же от врага, бесила его.

– Ты, бездельник, больше не смей даже ступить по той дороге, по которой проходит Филомела! – заорал он.

– Филомела? – состроил удивленное лицо Леонидас. – Ах, Фили... ты это про нее! – нарочно растягивая слова и тем самым еще больше раздражая Алексиуса, проговорил юноша.

– Она тебе не Фили, мерзавец! – прорычал тот, полностью потеряв власть над собой. – Закрой свой рот!

– Она мне не Фили? В самом деле?! Слушай меня внимательно, Лекси: ты уже нарвался на большие неприятности, когда в первый раз подумал об этой девушке, о моей возлюбленной, о моей Фили! – выставив вперед кулаки, злобно ответил Леонидас, но даже в гневе удивился тому, что назвал Филомелу «своей возлюбленной»

Не успел он опомниться, как Алексиус налетел на него, сбив с ног. Не удержавшись, Леонидас упал на землю и сильно ударился головой о камень. Непонятное ощущение онемения в висках затмила боль от ударов, которые мясник, сидя на нем, наносил по его лицу. Леонидас почти бессознательно ответил ему кулаком прямо по переносице. Пытаясь скинуть довольно массивного парня с себя, он нанес ему удар локтем, а потом еще и еще.

Алексиус свалился на бок, схватившись за грудь. Леонидас встал на ноги и, все еще качаясь от головокружения, несколько раз заехал сопернику ногой по бокам. Когда мясник захрипел, он понял, что сломал ему ребро.

– Ты, Лекси, дурак! – присев на корточки рядом с ним, произнес юноша уже без всякой злости в голосе. – Филомела есть и будет всегда моей! Она принадлежит мне! Еще раз замечу тебя рядом с ней – убью!

– Она сказала, что станет моей женой, придурок! – застонал, приподняв голову Алексиус.

Леонидас сжав пальцы, занес руку у него над лицом, но, задумавшись, на мгновение задержал ее в воздухе. Пламя осознания какого-то мерзкого, прилипшего к его душе подозрения начало жечь ему глаза. Он со всего размаху опустил кулак на лицо противника.

– Ты действительно дурак! – презрительно выговорил юноша и дико рассмеялся.

Алексиус ничего не отвечал.

Светало. Леонидасу ужасно захотелось спать. Вытерев кровь с лица, он побрел домой.

Глава шестая

Кто-то несколько раз произнес его имя.

Еле открыв глаза и вслушавшись в дневной шум, Леонидас понял, что видел сон, которого уже не помнит. Он был разбит. Тело его ныло со всех сторон, напоминая о драке с Алексисом.

Пощупав лицо, юноша поморщился от боли. Левую щеку раздуло. Голову тяжело было поворачивать. Леонидас привстал, заметив, что лежит на голом полу.

– Мерзкий Лекси!.. Жалкое, ничтожное двуногое существо! – проговорил он с ненавистью.

Юноше показалось, что все вокруг пропиталось запахом гниющего мяса. Его начало тошнить. «Полежу еще немного!» – решил Леонидас, когда в дверь его комнаты осторожно, словно коготками, постучали.

– Я не дома, уходи! – еле слышно проговорил он.

– Лео, пожалуйста, отзовись! Ты в порядке? – послышался голос Филомелы.

– Нет никого здесь! – снова тихо промолвил он.

– Лео, просто отзовись, прошу, чтобы я убедилась, что ты живой! Прошу, Лео, умоляю! Накричи, чтобы я ушла, скажи, что надоела, но произнеси хоть что-нибудь! – не могла угомониться девушка.

После минутной тишины Леонидас уже было подумал облегченно вздохнуть и снова погрузиться в сон, как вдруг пространство его комнаты через щель между дверью и полом наполнили внезапно разразившиеся громкие всхлипывания, заставившие его все же встать на ноги.

Он открыл дверь. Девушка бросилась ему на шею и крепко обняла. Скульптор не сопротивлялся. У него не было сил.

– Угомонись, Филя, отстань! – слабым голосом произнес он. – Но... раз пришла, то должна будешь кое-что прояснить!

Девушка словно не слышала. Она и не думала отпускать его.

– Филя, Филя! – с просьбой в голосе проговорил Леонидас, пытаясь высвободиться из ее объятий.

– Лео, я так испугалась! Вся улица говорит о вашей драке! Он же мог убить тебя, зачем ты полез к нему?! – приложив руки к его лицу, промолвила Филомела со слезами на глазах.

Горячая волна крови внезапно охватила все тело юноши. Руки его задрожали.

– Он?.. Это первое, что пришло тебе в голову, – то, что именно *он* мог убить меня, а не я – его?! Выходит, ты меня считаешь последним слабаком?! Он же, он... – раскрасневшись, закричал Леонидас, от злости не находя подходящего оскорбления для Алексиса.

– Лео, ты не так все понял! Я не то хотела сказать... я просто имела в виду, что он жесток и слишком силен! – виновато ответила девушка.

– Филя, уйди! – схватив ее за плечи и сжав их, угрожающе прошептал юноша. – Уходи сейчас же! Не заставляй меня быть грубым с тобой!

Девушка посмотрела ему в глаза. В них было столько обиды и гнева, что она испугалась.

– Отпусти меня, Лео! Пожалуйста, ты причиняешь мне боль... – тихо попросила Филомела, отведя взгляд в сторону.

– По какой причине он считает себя вправе говорить о тебе со мной, защищать тебя от «такого сумасшедшего», как я? С чего это Алексис решил, что человек, которого ты ждала столько лет, является именно таким?.. Вот теперь, Филомела, ответь мне на эти вопросы! – он смотрел негодуя. – Как может мужчина, которого ты якобы совершенно не знаешь, стоять

под моими окнами и вызывать меня на столь личный разговор, да еще требовать от меня объяснений в самой уничижительной форме?!

– Я... я не знаю, Лео! Он... Я ему нравлюсь, может быть... не знаю! – опустив голову, еле слышно сказала девушка.

Стиснув зубы, Леонидас приглушенно зарычал. Ему стало настолько больно, будто сердце его разлетелось на тысячи мелких кусочков. В ужасе Филомела попятилась от юноши к двери.

– Вот! То, что есть! Знал же!.. Знал, что ты точно так вот ответишь! Выходит, что днем, когда меня нет, ты кокетничаешь с ним, а по ночам бегаешь сюда? Значит, выросла девочка Филомела?! Если уж надумала играть в нежные чувства с двумя мужчинами сразу, точно выросла! – все больше распалялся Леонидас.

– Нет, Лео, нет! Я не понимаю даже, о чем ты! Алексисус... он, он... – не могла найти себе оправдания Филомела. – Ты несправедлив ко мне, Лео! – схватившись за голову, от безысходности зарыдала она.

– Алексисуса ты считаешь настолько сильным, что боишься за мою жизнь?! Ты сошла с ума?! Да?! Сошла с ума?! Да еще хвалишься тем, что он к тебе равнодушен?! Думаешь, Филомела, что это все нормально для меня? Что я не рассержусь, что у меня нет чувства достоинства и ни капли гордости?! – не обращая внимания на ее рыдания, продолжал громко возмущаться Леонидас. – Уходи, Филомела... быстрее, пока я окончательно не потерял голову! Ты... ты выводешь меня из себя своими словами!

– Нет, я не уйду! – сквозь слезы упрямо возразила девушка. – Ты бросишь меня и больше никогда не станешь даже здороваться со мной, я знаю тебя! Потому буду стоять в этой комнате, пока ты не поймешь, что я ни в чем не виновата!

Леонидас осознавал, что начинает терять точку опоры, которая сдерживала его от полного погружения в мир грез, позволяющих ему видеть жизнь там, где ее не видел никто, кроме него; где скрывалась *настоящая* правда, которую невозможно было выдумать, – та, что никогда не стала бы служить и могла быть лишь только *правдой*. В последний раз он собрался с силами, чтобы закончить разговор, ставший для него настоящей пыткой.

– Слушай, Фили, – промолвил он, стараясь придать своему голосу как можно больше убедительности, – я не питаю к тебе нежных чувств, ну... того, что ты хотела бы получить от меня взамен своей любви. Я не смогу – пойми это, наконец, и забудь! Забудь обо всем, что связано со мной!

– Поэтому ты назвал меня своей возлюбленной при Алексисусе?.. Как ты можешь после этого утверждать, что не испытываешь ко мне никаких чувств?! Да в тебе сейчас говорит лишь злость, поэтому я просто подожду, Лео! – рассердилась Филомела.

Он не понял сначала. Леонидас не поверил в то, что действительно услышал от нее, – от девушки, которую начал любить всей своей сумасбродной душой. Это стало для него решающим ударом.

– Ты слышишь меня, Лео?! Только не говори, что такого тоже не было! – нерешительно продолжила Филомела, удивленно смотря на него и не понимая, по какой причине он молчит.

Леонидас отвернулся и подошел к окну. Ему не хватало воздуха, тело пробирала мелкая потная дрожь, но он верил, что небо поможет ему. Юному скульптору необходимо было пережить очередной конец своей мирской жизни, заставив себя отказаться от бытия еще одного человека, заставляющего его сердце трепетать радостным чувством.

Филомела не дождалась ответа, но ощутила сердцем: что-то с возлюбленным не так. Подбежав ближе, она схватила его за руку, намереваясь высказать все, что накопилось в ее душе, но тут же поняла, что совершила самую большую ошибку в своей жизни. Девушка побледнела и затряслась.

Леонидас лишь горько усмехнулся.

– Сначала ты побывала у него, как я понял?! Кинулась со всех ног к Алексиусу, чтобы убедиться в том, все ли с ним в порядке! – покачив головой, повернулся он к ней.

– Нет! Нет! Всё не так, как ты подумал! Я хотела потребовать у него ответа за то, что он подрался с тобой, Лео! – плача, пыталась оправдаться она. – Пожалуйста, прости меня, если считаешь это ошибкой!

– Филомела, ты еще слишком мала для всего того, что закрутила вокруг себя! Даже не думай продолжать объясняться! Я не раз замечал твое благосклонное отношение к нему! Возможно, ты и сама не до конца понимаешь сути своих поступков, так я тебе все разьясню! Ты сомневаешься во мне больше, чем в нем! Только вот я этого никогда не пойму! Как, когда и чем Алексиус завоевал твое безграничное доверие?! – закричал Леонидас.

– Замолчи, Лео, не продолжай! Молю тебя, одумайся и замолчи! Все не так, не так! – схватившись за волосы, плача и дрожа от пробирающей ее насквозь правды, отрицала девушка.

– Неправ?.. Несправедлив?.. Перестань, Филомела! – постарался уже более спокойно изъясняться Леонидас. – Если все не так, как ты утверждаешь, значит, тебе просто нравится быть в центре внимания и хочется ощущать восхищение со стороны мужчин! Но во мне ты ошиблась. Вся эта грязь... это не про меня! Алексиус – ничтожество, он не слишком достойная пара для тебя, – юноша остановился, чтобы вдохнуть воздуха, – но это, конечно же, твой выбор. Теперь же, когда я надеюсь, что смог донести до тебя истинную суть твоих, именно *твоих* чувств, – указал он на нее пальцем, – оставь меня одного. Я не создан для тех отношений, которые нужны тебе, пойми это навсегда! Для меня только одно имеет настоящую ценность – это моя работа! Ты же ничего не значишь!.. Да. Только так...

Таким хладнокровным и невозмутимым Филомела видела Леонидаса впервые. Вконец растерянная девушка не могла сдвинуться с места. Она поняла, что уже не сможет ничего исправить. Возможно потом, когда-нибудь... но точно не сегодня.

Леонидас же, не спеша взяв кусок угля, сел на пол и начал чертить. Юноша старался вести себя так, будто присутствие девушки его уже никак не смущало.

Все так же плача, Филомела с трудом пересилила себя и вышла. Она хотела закрыть за собой дверь, но почувствовав, как что-то кольнуло в груди, девушка оставила ее приоткрытой. «Нет, я не уйду из его мира! Никто, ничто не сможет разделить нас!» – отчаянно пронеслось в ее юной голове.

Леонидас отбросил уголь и прикрыл уши руками, чтобы не слышать звук ее быстро удаляющихся шажков.

Ему тяжело было оставаться сегодня дома. Набросив на плечи хитон, юноша вышел. Стараясь пройти по улице как можно незаметнее, он накинул капюшон.

Юный скульптор спешил туда, где смог бы остаться совсем один и не слышать ничего, кроме собственного дыхания и тихого перешептывания мыслей...

Глава седьмая

Следуя за легким летним ветерком во всеобъемлющей страсти яркой пестрой жары, он пришел туда же...

Сев между надгробьями, Леонидас схватился за голову. Что-то было в ней и, увеличиваясь, не умещалось уже во всем его сознании. Оно – невероятно быстро возрастающее, заполняющее, заставляющее терять сознание – убивало, проникая подобно яду в центр сплетения всех эмоций.

Он закрыл глаза и почувствовал дуновение воздуха на лице. Солнце же согрело его тело своей любовью. Юноша зарыдал – тихо, в душе. Он снова ощущал свое одиночество в огромном, непонятном, не принимающем его мире, где ему так тяжело было оставаться. Он плакал, понимая, осознавая свою гибель!..

«На что ты надеялся, о чем думал? Тебя невозможно любить! Довольно вести себя подобно обделенному материнской заботой ребенку, каковым ты на самом деле и являешься! – отчитывал он себя в душе. – Прекрати, наконец! Ты должен возродиться вновь, совершенно другим, абсолютно непохожим на прежнего себя! Именно с этого дня ты избавишься от всех тех чувств, что не дают тебе сосредоточиться и достичь своей главной цели – понять природу Богов Олимпа!»

Леонидас провел на кладбище весь день. Много раз пытаясь встать и уйти, но не находя в себе достаточно мужества, чтобы вернуться в мир живых людей, он заново садился на землю...

С наступлением сумерек юноша все же поднялся и побрел к выходу. Его не пугал ни странный шорох, ни неожиданные одинокие звуки, доносившиеся то над его головой, то под ногами. Он стал *своим* среди невидимых теней неуловимого мира, которые звали его, удерживали рядом, цепляясь за него прожигающей ледяной любовью.

Дома Леонидас решил начертать хотя бы приблизительный эскиз скульптуры, которую собирался создать. «Нет, с лица начинать нельзя. Сначала нужно попробовать провести близкие к идеалу пропорции тела. У богини не может быть изъянов, присущих простым смертным женщинам!» – пришел к выводу юноша. Он проводил углем по прогнившим деревянным дощечкам, местами провалившимся, но, несмотря на захудалость, все-таки служившим ему идеальным рабочим местом. Здесь каждая из его мыслей обретала силу жизни...

Юноша не видел, что чертил. Перед его глазами пестрили радостью и светом черты лица прекрасной женщины, которая протягивала к нему руки. Ее глаза улыбались ему, зовя к себе. Леонидас старался не терять тонкую грань между реальностью и миром фантазии, которая была необходима ему для дальнейшего существования, ведь с ее помощью он находил силы, чтобы утихомирить и подавить переполняющую его боль.

Порой юному скульптору не терпелось избавиться от причиняющих ему страданий чувств – но это было невозможно по простой причине: то, что вызывало их, было сильнее всего, что смогла бы вместить в себя человеческая душа. Оно сидело в самых ее дебрях и не желало оттуда вылезать.

Одно Леонидас осознавал ясно: именно переплавив силу своей внутренней боли в единое, непоколебимое стремление творить, он сможет преобразить ее, заставив превратиться в то, что смогут понять и другие люди. С каждым новым штрихом он менял свое представление о том, чего хочет... но все это было не тем, чего он ожидал от себя. Юноше не нравилось его сегодняшнее видение прекрасного, творчество не находило себе места ни в голове, ни в сердце скульптора этим вечером. Другие – темные, сомнительные размышления сводили его с правильного направления, путая в мрачном лабиринте двояких желаний.

«Надо отбросить все переживания – скорее, дальше! Уничтожить их!.. Какой же формулой мне необходимо руководствоваться, чтобы упорядочить мысли и думать только о том, как создать на Земле тебя, Гера?!» – не раз обращался за эту ночь к небесам юный скульптор.

– Помоги мне забыть эту девушку и думать только о тебе, великая богиня Олимпа! О Гера, она не может быть сильнее тебя! То, что Филомела заставила меня увидеть себя попрошайкой, жалким, падким до мельчайшей частицы любви неудачником, не может уйти из моей души, не оставив там следа! Так почему же я не могу возненавидеть ее?! – взвыл Леонидас, когда его рука в очередной раз пошла совершенно в ином направлении, чем он планировал.

«Нет, так дело не пойдет, мне нужно съехать отсюда, чтобы забыться. Я должен опустошить свою голову, нацелиться на главное!» – пришел он к заключительному выводу. Решение сменить жилье подало ему надежду. Казалось, он нашел маленькую лазейку, ведущую к свободе...

Недолго думая, Леонидас стал собирать вещи для безотлагательного переезда. Сложив в мешок все фигурки из глины, сдаваемые им на продажу на агоре, он аккуратно положил его в угол. Остальные вещи легко уместились в холщовой сумке.

– Прощай, прошлая жизнь! Прощай, прежний Лео! – обратился к себе юноша и, достав монеты, которые выручил неделю назад за проданные статуэтки, выделил часть, необходимую за аренду комнаты на месяц вперед.

Оставив мешок и сумку на первом этаже возле двери, он поднялся наверх, где проживал хозяин дома кириос Дамианос со своей женой кирией Гестией и сыновьями – Павлосом, Тадеусом и Эсдрасом. Юноша тихонько постучал в дверь, боясь разбудить детей. Было довольно поздно, владельцы дома, по всей видимости, уже спали. Немного подождав, Леонидас постучал еще, на этот раз громче и продолжительнее.

– Кто это? – послышался из комнаты женский голос.

– Один из арендаторов! Лео! – ответил юноша.

Через две-три минуты дверь приоткрылась. Из-за нее показалась заспанная супруга хозяина с лампадкой в руке.

– Что случилось? – удивленно спросила кириа Гестия.

– Я решил освободить комнату и потому принес деньги. Вот, здесь за несколько месяцев! – ответил он, протянув ей плату.

– Я не поняла чего-то... или ты действительно платишь больше, чем положено? – еще больше изумилась Гестия, разглядывая золотую гемигекту.

– Да, кириа. Мне пора уже, – нетерпеливо проговорил Леонидас, собираясь уходить.

– Но... – хотела она добавить что-то еще.

– Кириа Гестия, я спешу! – оборвал юноша, уже спускаясь с лестницы.

Леонидас спешил покинуть дом. Выйдя наружу, он остановился всего на миг, но сдержался и не посмотрел туда, где жила *она*.

Юноша быстро зашагал к рыночной площади, занимающей довольно-таки большое пространство в центре Аргоса. Времени до наступления утра было еще много, но он уже не мог оставаться в этом доме, на этой улице.

Дойдя до пропилей – парадных проходов агоры, он осмотрелся. Не заметив нигде агораномов (рыночных надсмотрщиков), Леонидас присел на землю. Он чувствовал слабость, поскольку не проглотил ни кусочка за весь прошедший день. Достав бутылку с водой из сумки, юноша сделал несколько глотков и сразу же ощутил, что голова прояснилась...

Ему никогда не хотелось спать по ночам, ведь он так любил смотреть на мерцание неба. «Как же ты прекрасна, жизнь! Все в тебе упорядочено: сначала наступает ночь, потом день. Ночное небо освещается луной и звездами, дневное – солнцем. Холод сменяется жарой. Люди миряются и возрождаются вновь! Почему же во мне нет этой гармонии?.. Откуда такой хаос

в мыслях и не поддающееся никакому воздействию смятение в душе?» – не переставал задаваться вопросом юный скульптор.

Улегшись на землю, он подложил сумку под голову. Так ему лучше удавалось разглядывать подмигивающие друг другу звезды...

– Леонидас, сынок! – послышался голос заказчика, который подошел к своей лавке, чтобы отпереть ее.

Юноша открыл глаза.

– Да, кириос Павлос, я заснул, сам того не ведая, – ответил он, поспешно поднявшись на ноги.

– Так зачем же здесь, на голой земле?.. Разве пристало ученику великого скульптора вести подобный образ жизни? – возмутился пожилой мужчина. – У тебя нет дома? Закончились деньги?

– Я это так... Да просто решил прийти пораньше и прилег... Недавно пришел, Павлос, – нелепо объяснился Леонидас.

– Лео, довольно этих странностей! Ты – скульптор, творец! Сам Аристэйос, выступая на городских собраниях, неоднократно упоминал твое имя. Говорил, что возлагает большие надежды на своего ученика Леонидаса, то есть на тебя. Да, именно! – Павлос ткнул пальцем в грудь опустившего со стыда голову юноши. – Даже эти маленькие скульптуры, которые ты лепишь всего за час, вызывают большое восхищение горожан и продаются на лету!

– Я все понимаю, поверьте. Больше этого не повторится, обещаю! – раскрасневшись от подобной похвалы, смущенно проговорил Леонидас.

– И смени уже одежду! Что это за тряпье на тебе? Цвет твоего поношенного гимантиона выгорел на солнце, еще чуть-чуть – и ткань разойдется на полосы! – недовольно разглядывая юношу с ног до головы, сварливо продолжал Павлос. – А сандалии где? Опять забыл надеть их? Как можно, Леонидас, все время ходить на оборванца?!

– Я все сделаю, мастер. Приоденусь сегодня же, обещаю! Может, покажу уже вам мою работу? – попытался сменить тему разговора юноша, доставая фигурки из мешка.

– О Боги Олимпа! – воскликнул мужчина, разглядывая статуэтки. – Они просто великолепны! Леонидас, да ты подлинный гений! Изящество, словно сотворенное самими Богами! Признайся, сколько времени тебе понадобилось на их создание?

– Вы расхвалили меня, мастер, – простодушно улыбнулся юный скульптор. – Так... час или два сосредоточенной работы, и глядишь – выходит что-то путное.

– Леонидас, я сегодня же продам их, будь уверен! Вечером деньги будут приготовлены. И вот еще что, – прибавил он, – хочу сообщить тебе хорошую новость! Ты и сам не поверишь в счастье, которое нашло нас совершенно случайно! Ну, так вот: есть здесь на агоре знакомый торговец шелком, и неделю назад он познакомил меня с купцом из Афин, изрядно зажиточным человеком, а тот в ходе разговора признался, что хотел бы увековечить себя в скульптуре в полный рост. Спросил именно про тебя, представь себе! Так я сказал, что хорошо тебя знаю, а он попросил меня быть посредником между ним и тобой (за отдельный процент, как и полагается), на что я ответил ему полным согласием! Моя доля невелика, конечно же, а вот тебе он предлагает несколько золотых гект за хорошо выполненную работу! – деловито осведомил скульптора Павлос.

– Но я... Мастер, у меня много своей работы! Не могу я брать частные заказы, вы же знаете про это! – сразу же отказался Леонидас.

– Сынок, я тебе говорю о таких деньгах, на которые ты сможешь прожить, не нуждаясь ни в чем! – возмутился мужчина. – Подумай хорошенько, прежде чем ответить! Настолько выгодного предложения некоторые скульпторы, даже опытнее тебя, не получают в течение нескольких лет! Соглашайся, Лео! Честно говоря, я уже вместо тебя обговорил сделку. Но ты не обижаешься, верно? – по-дружески хлопнув юношу по плечу, упрашивал его Павлос.

– Я уже дал слово, не настаивайте! – недовольный его своеволием, решительно ответил Леонидас.

– Как? Ты еще с кем-то начал работать? Кому это ты слово дал? – возмутился тот.

Загадочно прищурился, Леонидас внимательно посмотрел на него.

– Гере, кириос! Ей отказать я точно не смогу. Вы же понимаете, что настоящий мужчина обязан сдерживать обещание, которое он дал прекрасной женщине! – гордо подняв голову, промолвил он, уже собираясь уходить.

– Что? Кому?.. – удивился мужчина, но юноша, ничего не ответив, дружески помахал ему и зашагал в направлении выхода из агоры.

Кириос Павлос не понял и слова из его ответа. Он еще некоторое время стоял и смотрел на удаляющегося скульптора, чуть приоткрыв рот и широко распахнув глаза.

Глава восьмая

– Ты уже точно решил, Лео? – выслушав планы ученика, спросил его Аристэйос.

– Да, учитель. Я начну именно с нее! Дайте мне этот шанс! Посмотрите эскиз, оцените его! Этой ночью я подготовлю его вместе с планом, в котором подробно изложу то, что задумал, – опустив голову, смущенно ответил юноша.

– Конечно, сынок, я буду только рад... Но ты понимаешь ведь, что твоё произведение не должно быть хуже работы Диодора. Гера не должна уступать Зевсу, несмотря на все великолепие Бога всех Богов! А еще и скульптура Афины в Акрополе, так это просто произведение высшего искусства! – начал восхищаться Аристэйос, вспомнив статуи, созданные одним из лучших скульпторов Греции.

– Да, учитель, я был в Олимпии. Хотел посмотреть на скульптуру верховного Бога... и поразился тому великолепию, с каким он был сотворен умелыми руками, пронизательным взглядом и прекрасной душой великого скульптора Диодора! – мечтательно произнес юноша.

– Ты очень правильно отметил, Леонидас, – воскликнул учитель, – в этом деле недостаточно только мастерства рук и четкости глаз, здесь обязательна душа, ее способность различать один простой, но тем и прекрасный узор среди тысячи сложных замысловатых вырезков! Процесс мышления не должен останавливаться ни на миг, ты должен уметь воссоединять точный расчет с проявлением жизни!

– Учитель, я только сейчас, после ваших слов начал ощущать действительную ответственность за свои обещания! – задумчиво проговорил юный скульптор.

– Вот-вот, Лео, ты должен быть готов к постоянной противоречивости в себе в процессе создания Геры. Борьба с самим собой – это испытание, посланное нам небесами! Только ты решаешь ее исход, сынок! Я не хочу воздействовать на тебя своими умозаключениями по поводу проживаемой нами жизни. В будущем ты сам решишь, каким событиям придавать философское значение и принимать их за вектор действий, а какие стирать из памяти, дабы не жить прошлыми днями, пытаюсь изменить то, что уже неизменно! – назидательно посоветовал ему мастер.

– Да, учитель, я понимаю ту суть, которую вы стараетесь донести до меня. Именно в этом я и чувствовал необходимость. Вы внесли ясность в мои сомнения, развеяли их! Теперь я еще больше хочу доказать себе – именно себе, – что человек способен на все! Поэтому хочу попросить вас выделить мне мастерскую и нужные средства для этого дела. Понимаю, это достаточно сложно по той причине, что я еще не зарекомендовал себя достойным доверия скульптором в столь высокой степени значимости, но все же полагаюсь на вашу интуицию. Моя просьба, конечно же, может быть отвергнута, – робко глядя на Аристэйоса, сказал юноша, – и я, естественно, буду очень огорчен, но ничто не сможет заставить меня не бороться дальше!

Мастер ничего не ответил. Вместо этого он улыбнулся и протянул Леонидасу руку. Тот, облегченно вздохнув, подал в ответ свою. Аристэйос привлек юношу к себе и обнял.

– Я верю в тебя, Леонидас! Ты обладаешь тем, чего я не замечал ни в одном из своих учеников, – скрупулезностью в сочетании с безграничной фантазией. Это великая любовь, не дающая тебе покоя ни днем, ни ночью, то чувство, которым ты живешь, дышишь и стараешься поднять его до небес, в то же время раскрывая его высшую натуральность! Ты видишь человека в Боге и Бога в человеке! Я впервые познал эту философию именно с тобой, Лео, когда наблюдал за тем, как ты создавал свои первые статуэтки! Те восхищенные глаза я никогда не забуду... Не бойся того, что ты другой, не такой, как все! Доверяй себе, сынок, ты идешь в правильном направлении! Следуя общепринятым канонам, продолжай доказывать право на утверждение своих законов! – волнуясь, промолвил Аристэйос. – Я сегодня же напишу прошение главе нашего полиса о выдаче тебе мастерской, соответствующей масштабам планиру-

емой работы, и все необходимые средства на покупку не только подручных инструментов, но и золота, бронзы, а также слоновой кости, – пообещал он юноше.

– Мастер, не знаю, как вас благодарить! – радостно воскликнул тот. – Право, слышать подобные слова из ваших уст выше всякой похвалы!

– Делай то, что задумал, не жалея своих чувств, Леонидас! Это самая большая благодарность мне как учителю! – благосклонно ответил Аристэйос.

– Я использую все свои ресурсы, учитель, клянусь вам Богами! – положив руку на сердце, уверенно промолвил юноша.

– Понадобится несколько дней на формальное разрешение... а то, что дальше, уже в моих руках. Не заставлю тебя долго ждать, сынок. Ты же за эти дни продумай план слепка. Начерти, просчитай все до мелочей, – посоветовал ему учитель.

– Да, мастер, я уже работаю над тем, что вы подразумеваете. И еще... мне не нужна натурщица, – осторожно добавил юноша.

– Как?! – удивился Аристэйос. – Каким же образом ты вылепишь контуры туловища?

– Я держу этот идеальный образ в голове, учитель! Всякое мнение со стороны лишь только размывает мое представление о Богине. Я, с вашего позволения, отказываюсь от какого-либо вмешательства в свою работу, – ответил Леонидас.

– И даже от поэтапной оценки со стороны скульпторов?... Даже от меня? Подумай, прежде чем решиться на столь смелый шаг, – предупредил его Аристэйос. – Ты ведь понимаешь, что профессиональный анализ каждой ступени работы позволяет заметить ошибки, которые допускаются в силу излишней сосредоточенности на одном и том же деле.

– Я буду лепить статуэтки в перерывах от работы, учитель. Это занятие способно отвлечь меня так, что я продолжаю начатое дело со свежей головой и четким критическим взором. Но если понадобится совет, обращусь к вам, даю слово! – пообещал Леонидас.

– Хорошо, сынок... это твой выбор. Он не такой уж и легкий, скажу я тебе, но иного я от тебя и не ожидал. Да пребудут с тобой Боги Олимпа, Леонидас! И, конечно же, Гера! – улыбаясь, проговорил великий мастер.

– Да, я тоже уверен в помощи своей покровительницы, мастер! – уверенно сказал юноша.

– Ты можешь идти, Леонидас. Дождись моего ответа и наберись за эти дни сил: слишком уж исхудал с тех пор, как ушел из школы, – промолвил учитель, по-дружески хлопнув его по плечу.

– Учитель, – вдруг замялся юный скульптор, – у меня еще одна просьба к вам...

– В чем дело? Говори, не стесняйся, – с заботой в глазах поспешил осведомиться Аристэйос.

– Мне некуда идти. Точнее, мне, конечно же, под силу снять комнату, дело не в деньгах... но я хотел бы оставаться в мастерской, которую вы мне выделите. Так мне будет легче не отвлекаться на посторонние мысли и сконцентрироваться только на работе, – признался юноша.

Аристэйос более внимательно взгляделся в лицо Леонидаса. Тот хотел сказать еще что-то, но ком в горле не дал ему это сделать. Учитель это заметил.

– Ты грустишь, сынок? Или, может, попал в неприятную историю? Поведай, не стесняйся, ты же знаешь, что можешь довериться мне! Я обязательно помогу, что бы ни случилось! – держа юношу за плечо, поспешил подбодрить его заботливый Аристэйос.

– Нет, наставник, нет у меня никаких проблем, поверьте! Я только насчет комнаты... Но, конечно же, понимаю, что слишком многого прошу! – смутился Леонидас. – Я сам решу этот вопрос, забудьте! – пожалел о сказанном юный скульптор.

– Нет, о чем это ты?! – воскликнул Аристэйос. – Конечно же, ты можешь оставаться в школе! Многие мастера так делали, так что не переживай, ты не первый. Пока что живи в одной из мастерских, в которых я преподаю. У меня есть одна... правда, она мала, но, по крайней мере, в достаточно приличном для жилья состоянии!

– Вы уверены, что я не побеспокою вас? – взволновался Лео.

– Конечно же, сынок! – уверил его наставник. – Я в нее не захожу неделями, так что смело переселяйся, хоть сегодня, хоть сейчас!

– Учитель, я, право, не знаю даже, что и сказать! Как вас благодарить?! В таком случае я сегодня же начну работать над задуманным! – обрадовался юноша.

– Рад помочь тебе, сынок! – с довольным видом ответил Аристэйос.

Леонидас распрощался с учителем и вышел. Он спешил прикупить кое-что для облагораживания своего нового жилища.

– Вот оно, начало, которое возродит меня вновь, Гера! Оно необходимо для *твоего* возрождения, моя Богиня! – облегченно вздохнув, тихо обратился он к небесам.

Это была надежда, и Леонидас весьма отчетливо различал ее в фиолетовом оттенке ярко-красных пятен, мелькающих у него перед глазами. Она пришла с намерением успокоить бурю негодования, в которой он кружился...

Глава девятая

– Неужели никто не видел, в каком направлении он пошел? – огорченно воскликнула Филомела, когда в очередной раз получила отрицательный ответ на свой вопрос от начавших уже перешептываться между собой людей.

– Ты еще долго собираешься искать его? – обратился к ней Алексиус.

Уже некоторое время он стоял рядом с Филомелой, с ревностью, но довольно терпеливо наблюдая за тем, как она опрашивала соседей.

– Алексиус, да отстань ты от меня! – истошно завопила девушка.

В отчаянии она закрыла лицо руками и побежала домой. Ворвавшись в свою комнату, Филомела бросилась на спальное ложе и затряслась от душивших ее слез.

За ней последовала кириа Офелия. Она присела рядом с дочерью и начала гладить ее волосы.

– Фили, дорогая! Ну же, Фили, оторви лицо от подушки! Хватит горевать по такому неблагодарному человеку! Если он не ценит твою любовь, значит, и не стоит ее! – возмутилась она.

– Не надо, матушка, не надо! – вскричала та.

– Что не надо, Фили? Мне оставить тебя тут одну, страдать? Ну-ка, встань, вытри слезы, и пойдем обедать! – продолжала сердиться кириа.

– Не хочу я ничего, матушка, пойми! И обедать не хочу! – плакала Филомела.

– Фили, довольно! – уже окончательно выйдя из себя, повысила голос Офелия. – Ты испытываешь мое терпение! Не смей перечить матери! И предупреждаю: если еще раз увижу, что ты проливаешь горькие слезы из-за этого сумасбродного бездельника, то выдам замуж по своему усмотрению, не спрашивая твоего согласия!

– Леонидас! Его имя Леонидас! Он не сумасброден, как вы все отзываетесь о нем! Если он не такой, как вы, это еще не значит, что человек потерял рассудок! Он гениален, он талантлив, он честен настолько, насколько вы себе никогда и ни за что не позволите быть! – кричала в истерике девушка.

– Ну и плачь тогда по своей испарившейся любви, дура! – швырнув в лицо девушки платок, злобно проговорила кириа Офелия. – Как ты не понимаешь, что не можешь связать свою жизнь с человеком, у которого на уме одни лишь камни и металл?! Ему ни за что не удастся стать настоящим скульптором, он никогда не сможет прилично содержать свою семью! Мы же нуждаемся в деньгах, Филомела! Тех грошей, которые я приношу в дом, продавая зелень на рынке, не хватает даже на то, чтобы мы с тобой нормально питались, не говоря уже о найме хотя бы одной рабыни, которая в наши времена имеется в каждой приличной греческой семье! Почему ты не хочешь найти себе более обеспеченного человека, который смог бы решить все эти проблемы?!

Она вышла и хлопнула дверью за собой. Филомела же так и осталась лежать, уткнувшись лицом в подушку. Вымотанная за бессонные ночи, когда она не могла сомкнуть глаз даже на несколько минут, гадая, куда же мог подеваться Леонидас, девушка не заметила, как уснула. Она то и дело вздрагивала и просыпалась, но отяжелевшие от пролитых слез веки закрывались вновь и вновь, увлекая ее в мир грез. «Лео, где ты, где?» – повторяла она во сне.

Внезапно, будто что-то вспомнив, девушка вскочила на ноги.

– Кладбище! Точно! Он же говорил, что бывает там очень часто! – воскликнула она, чуть не упав. – Но как же я пойду туда? Ведь мертвецы не любят, когда кто-то нарушает их покой. А что, если их души явятся мне там? О Боги, как же это страшно! – с отчаянием проговорила она вслух.

Сев на пол, Филомела обхватила голову руками, точно так, как это делал Леонидас. «Сейчас придет правильное решение, я уверена в этом! Кого же попросить сопровождать меня? Ведь никто на такое не решится! Нет, одной мне туда нельзя! Матушка убьет меня, она не пустит!» – метались в голове девушки беспорядочные мысли.

Так и не придя к какому-либо решению, она вышла из комнаты.

– Фи́ли, сердце мое, тебе лучше? – обрадовалась появлению дочери Офелия.

– Нет, матушка, голова... словно чугунная. Стоять на ногах тяжело, – жалобным голосом ответила Филомела.

– Да это происходит по той причине, что ты ничего не ешь, Фи́ли! Ну-ка, сядь, я принесу тебе овощей и вкусных лепешек. Перекуси, пока жарится мясо, – заботливо предложила мать.

– Принеси мне воды, матушка, – слабо простонала та.

Ноги Филомелы подкосились, и она чуть было не упала на пол. Вскрикнув, мать едва успела подхватить ее, не дав удариться головой.

– Фи́ли, Фи́ли, очнись! – звала девушку испуганная женщина.

Филомела не слышала. Быстро свернув и подложив свой хитон под голову дочери, Офелия кинулась на улицу.

– На помощь, люди! Моя дочь, дочь! – кричала она.

На крик женщины сбежались прохожие и соседи. Одни что-то советовали, другие пытались протереть лицо девушки платком, смоченным в холодном уксусе, но все было бесполезно: она не приходила в себя. Офелия же только плакала, не будучи в силах предпринять что-то еще...

После долгих усилий соседей Филомела наконец-таки открыла глаза.

– Что случилось? – испугалась она, неожиданно увидев несколько лиц у себя над головой.

– Ты упала в обморок, – ответил стоявший ближе всех к ней и придерживавший свой левый бок Алексисус, опухшее лицо которого безобразно пестрело кровоподтеками – последствиями недавней драки.

– Что ты здесь делаешь? – слабым голосом спросила она.

– Помогаю тебе, Фи́ли! Как всегда, помогаю! – держа ее за руки, дерзко ответил мясник.

– Мне лучше уже! – отдернув ладони, рассердилась она. – Где матушка?

– Я здесь, душа моя! – зарыдала Офелия, присев рядом с ней.

– Добрые соседи, Филомеле уже лучше, раз она начала говорить. Займитесь своими делами! Идите! – размахивая руками, начал разгонять соседей Алексисус.

Те стали медленно расходиться. Один только человек не спешил уходить. Встав чуть дальше, он продолжал упорно смотреть на девушку.

– Я поднимусь, матушка, – опираясь на руку матери, пытаюсь встать, проговорила Филомела.

– Да, дочь, да, постарайся, – все еще не оправившись от пережитого, ответила Офелия.

– Ки́риа Офелия, я поддержу Филомелу! – воспользовавшись удобным случаем, угодливо предложил Алексисус и ухватил девушку за талию.

– Да, сынок, спасибо! – поспешила согласиться женщина.

– Нет, даже не вздумай! – запротестовала Филомела. – Мне не нужна его помощь, матушка! И вроде все ушли, что же он здесь делает? – злобно посмотрев на парня, обратилась она к матери.

– Он же помочь хочет! – сжав ее руку, прошептала та.

– Да, мне лучше уйти сейчас, но я приду, с вашего позволения, навестить нашу Филомелу! – хитро прищутив глаза, посмотрел на женщину Алексисус.

– Да, конечно! Если хочешь, приходи, – нерешительно, смутившись, ответила Офелия.

– Я могу принести немного мяса, фруктов и овощей. Понятно, что в таком состоянии вы не сможете сами пойти на агору, да и Филомелу одну оставлять нежелательно, а мне все это не

стоит особого труда. Ей нужно хорошо питаться, больше отдыхать, и глядишь – выздоровеет наша маленькая Фили, – ласково улыбнувшись, промолвил он.

Офелия растерялась. Она уже чувствовала, что Алексису имеет достаточно серьезные намерения в отношении ее дочери и очень этому радовалась.

– Ах, насколько же ты внимателен, сынок! Конечно же, будет как нельзя кстати, если ты сможешь купить все необходимое, – решила поддержать она мясника, – только вот постой, я принесу монет.

– О чем это вы, уважаемая кириа Офелия! – взмахнув руками, воскликнул взволнованный Алексису. – Не надо денег! Мясо я возьму у себя в лавке, а овощи и фрукты... да они стоят не так уж и дорого.

– Нам ничего от тебя не надо! И когда ты уже уйдешь?! – нетерпеливо проворчала Филомела. – Ты прилип просто к этому дому! Что, делать больше нечего?!

– Дочка, как ты можешь разговаривать с Алексисом в таком тоне? – сжав губы в тонкую линию, прикрикнула на девушку Офелия. – У него весьма благородное намерение поддержать нас, а ты ведешь себя как неблагодарное создание!

– Ничего, пустяки, кириа Офелия, – вмешался в разговор побагровевший парень, озадаченный услышанной грубостью, – не ругайте нашу маленькую Фили! Она устала за сегодняшний день!

– Да, да, Алексису, я устала от людей, а больше всего от одного весьма назойливого торговца! Может, знаешь, о ком это я? Нет?! Ну вот, тебе придется угадать, кого же я подразумеваю! – огрызнулась девушка, сердито скрестив руки на груди.

– Фили, – прошипела в ее сторону мать.

– Кириа Офелия, я уж пойду. Занесу все обещанное через пару часов, – сказал Алексису женщине, уже начинающей нервничать и истекать потом.

– Хорошо, сынок, – согласилась сконфуженная Офелия и решила проводить вышедшего из комнаты парня. – Не обижайся на Филомелу! Она вот такая, со строптивым характером, вся в покойного отца. Ты просто попался под горячую руку, сынок, а так моя дочь ничего против тебя не имеет, – пыталась оправдаться она перед Алексисом уже у двери.

Ничего не ответив, раздосадованный мясник, прихрамывая, временами невольно прикладывая руку к закрепленному толстым жгутом сломанному ребру, быстро вышел из дома. Он еле сдержался, чтобы не рассказать женщине про недавний ночной визит Филомелы к скульптору.

«Ах, Фили, ах! Хотелось бы мне посмотреть на твое милое дерзкое личико, поведай я о твоих похождениях матери! Посмела бы ты в этом случае унижать меня подобным образом?!» – думал молодой мясник, с трудом шагая по направлению к агоре. Парень был зол еще больше, чем раньше. Алексису не привык проглатывать оскорбления, он всегда отвечал за нанесенную обиду.

Тем временем Офелия стояла перед Филомелой и неустанно продолжала отчитывать ее за неоправданную грубость в отношении Алексиса. Девушка же лежала в своей кровати и не слышала ее. Она думала о Леонидасе и представляла его на темном, страшном, полном опасности кладбище сидящим у надгробья неизвестного человека, умершего много лет назад.

«И как он решается ночевать там? Для чего?.. Откуда в нем столько смелости? – поражалась образу жизни своего любимого девушка. – Завтра я встречу его! Обязательно встречу и объяснюсь. Знаю, его гнев остыл, ведь он не может долго злиться, если речь идет обо мне! Он назвал меня своей возлюбленной при Алексисе, а это уже что-то значит! Он любит меня, я знаю, знаю!» – думала она и улыбалась своим мыслям.

Глава десятая

Все было уже готово к началу работы. Леонидасу на первое время предоставили небольшую, но хорошо освещенную мастерскую с идеально ровным полом. В углу комнаты стояли низкий широкий стол *трапедза* с расписной поверхностью с двумя маленькими табуретами с плоскими плетеными сиденьями без спинки – *дифросами*, спальное ложе с высокой спинкой и ножками, украшенными искусной резьбой, – *клин* и шкаф с многочисленными полками.

Под столом юноша обнаружил старинный сундук, служащий для хранения одежды и белья. Он быстро вытащил его и начал внимательно разглядывать. Вся крышка сундука была украшена инкрустацией из полудрагоценных камней и покрыта крошечными лепными фигурками божеств. «О Боги, каков же был мастер, вырезавший тела настолько четко при таких малых размерах?! Вот бы познакомиться с ним! Эх, предоставила бы мне жизнь такую возможность, разрешив хотя бы на часок отправиться в мир иной! Сколько бы всего я узнал, сколько бы применил в своей работе на земле!» – размышлял Леонидас.

– Лео! – послышался приятный, мягкий голос.

Юноша обернулся и улыбнулся.

– Учитель, доброго вам дня! – ответил он и подошел к Аристэйосу.

– Ну, как тебе? – с заботой в голосе спросил учитель.

– Просто ошеломляюще! Такого, честно говоря, не ожидал! – радостно проговорил Леонидас. – Вы выделили мне идеальное место для работы!

– Ну, не преувеличивай, сынок! – рассмеялся Аристэйос. – Это комната тебе на первое время, пока я не дождусь официального разрешения на мастерскую.

– Что вы! Выдача помещения послужила мне хорошим знаком. Теперь я верю, что все у меня получится! Здесь столько солнца и добра, учитель, что я и сам преисполняюсь светом! – промолвил Леонидас.

– Как же хорошо, сынок! Да если бы я знал, что так легко тебя сделать счастливым, то и не отпускал из школы!

– Да, мастер, я чувствую любовь в этой комнате! Она поможет мне сотворить Богиню!

Учитель и ученик начали долго, весьма подробно обсуждать все возможные условия, необходимые для получения максимально хорошего результата. В ходе разговора Аристэйос не раз был поражен тому, с какой точностью, в деталях, Леонидас продумал лепку скульптуры. Тот же мог говорить об этом бесконечно. Прошло несколько часов с момента прихода великого мастера, он же об этом мало подозревал.

Лео внезапно оборвал свою речь и схватил Аристэйоса за руку.

– О учитель, я совсем забыл о времени и порядком утомил вас! Ведь даже воды не предложил! Вы наверняка и голодны еще! – забеспокоился он.

– Нет, сынок, подобного рода и качества разговоры – и вода, и пища для меня! Когда сыта душа, остального и не замечаешь! Такого удовольствия от общения с кем-то я давно не получал! – признался Аристэйос. – Ты так интересно излагаешь свои идеи, что скульптура великой Богини принимает формы и оживает у меня перед глазами прямо сейчас!

– Если я что-то анализирую правильно, то это только ваша заслуга! Это то, что вы вложили в меня, мастер, ведь вы учили нас не только искусству, но и жизни, – застенчиво проговорил юный скульптор.

– Нет, Лео, позволь мне не согласиться с тобой на все сто процентов! Я, безусловно, старался поделиться с учениками всеми теми знаниями, которые не только позаимствовал у своих учителей, а еще и накопил в течение срока преподавания, это так! Но ты перенял их в другой, своеобразной форме, которую, я уверен, тебе удастся донести до людей в своих скульптурах... – задумавшись, ответил ему Аристэйос. – Именно это и есть особое восприятие, назы-

ваемое творчеством! Тебе удастся материализовать эмоции, заключать их в некую оболочку! Да, скажут многие, суть нашего существования в целом заключается в том, что каждый человек на этом свете – будь то скульптор, пекарь или же простой лавочник, – каждый из них сам решает, насколько глубоко пропускать через себя прожитую радость или перенесенное горе, извлекая впоследствии некий урок, называемый опытом, являющимся основой жизненной школы. Здесь нам представляется возможность показать себя как хорошими учениками, так и плохими, использовать дары, преподнесенные нам судьбою, во благо или же распространять зло. Все эти правила придуманы для людей, и они ничего против этого не имеют! Но где же здесь ты? Я отвечу! Ты отсутствуешь, Лео! Тебе удастся оставаться в стороне от всего, что происходит вокруг тебя!.. Вся трактовка, изложенная тобою сегодня... она позволила мне не только пропустить через себя иное понимание искусства скульптуры, но еще и взглянуть на мир сквозь некую призму прекрасного возвышенного урока, не настолько обыденного, заученного до мозолей! Что именно есть то прекрасное, я и сам затрудняюсь ответить! Оно будто сосредоточено в тебе, Лео! Ты особенный, ты другой!

– Учитель, каждое ваше слово придает мне еще больше уверенности в том, что я на правильном пути! Ведь есть еще что-то, учитель, там, за гранью понятий жизни и смерти! И это не связано с адом или раем! То, что можно только почувствовать! – взволнованно промолвил юноша.

– Лео, я скажу тебе еще что-то! Ты чист душою, сынок, но, несмотря на это, подвержен другому пороку – слишком резкой принципиальности. Я замечаю в тебе не только достоинства, как ты видишь, но и недостатки. Дам тебе один совет: научись исполнять более глубокие, данные тебе природой желания и не запрещай себе любить! – посоветовал ему учитель. – Любовь никак не помешает твоему творчеству! Ты напрасно видишь в ней свою слабость, ведь она не так незначительна, как ты можешь подумать!

Леонидас склонил голову. Он не знал, что ответить на эти слова, спустившие его с небес на землю. «Как он мог догадаться? Неужели все настолько явно?!» – огорчился юноша.

– Сынок... прости, если обидел. Я позволил себе вмешаться в твою жизнь только потому, что отношусь к тебе совсем по-иному, не так, как к другим ученикам! Я не хочу, чтобы ты запирали свои чувства в этой мастерской, истязал их, потом же залечивал, но только для того, чтобы начать истязать заново. Ты заслуживаешь любви, Леонидас, так постарайся же проявить справедливость, которой руководишься по жизни, и по отношению к себе, ибо всякая правда превращается в ложь, если ты начинаешь обманывать самого себя! – продолжал свои наставления Аристэйос.

Леонидас помрачнел. Вся его радость испарилась, словно и не было ее вовсе. Он хотел что-то сказать, но не мог выговорить и слова. Чтобы не показаться грубым, юноша заставил себя кивнуть головой. Это было самое большее, на что он был способен в тот миг. Аристэйос же, видя подобную реакцию со стороны ученика, уже жалел о высказанных мыслях.

– Лео... может, пойдешь со мною к нам на ужин? – следя за выражением лица юноши, осторожно спросил он.

Леонидас словно очнулся от забытья.

– Учитель, нет, что вы! Я... я не обидел вас ничем, скажите?! Иногда мысли вырываются из моей головы и обретают силу не совсем правильных поступков. К моему большому сожалению, именно в эти минуты я не властен над ними! – глухо проговорил юноша.

– Договорились, Лео, больше вмешиваться в твое отношение к себе я не буду! Все, обещаю, что не буду, – улыбнувшись, ответил Аристэйос, – но что насчет совместного ужина?

– Учитель, прошу вас! – сказал Леонидас, молитвенно сложив руки на груди. – Я действительно очень устал сегодня. Да и не могу позволить себе предстать к ужину в столь неопрятном виде. Даю вам слово, что завтра же приведу себя в порядок, обзаведусь новым одеянием, в конце концов, причешусь, и приду выразить свое почтение вашей семье!

– Хорошо, сынок, в этот раз я соглашусь с тобой, поскольку знаю, что ты, как истинный человек слова, сдержишь обещание, – улыбнулся ему в ответ учитель.

Они распрощались, и Леонидас остался один.

Походив по комнате, не зная, чем себя занять, он вспомнил про купленные утром лепешки. «Нет же головы! Или она есть, но пуста, как высохший изнутри арбуз! – начал ругать себя он. – Вместо того чтобы угостить учителя, проморил его голодом в течение всего этого прекрасного дня!»

Леонидас вышел во двор школы. Было уже поздно. Осмотревшись вокруг, юноша вдруг осознал, что пребывает здесь совсем один. Тут было настолько пусто, что ему отчаянно захотелось убежать в мир людей, туда, где он смог бы услышать хотя бы лай собак. Но огромный двор был окружен таким высоким забором, что он не видел ничего, кроме бесконечного темного пространства над головой.

– Здесь более одиноко, чем на кладбище! Даже ты, небо, похоже сегодня на меня! Где твои звезды, где луна? И что насчет твоей силы?! Почему ты не можешь наполнить себя хоть чем-то? – страдая, воскликнул юноша. – Не можешь или не хочешь?!

Свет от лампадки постепенно начал угасать. Горькая слеза покатилась по щеке Леонидаса, когда он это заметил.

– Ненавистное желание находить печаль там, где ее нет... и где нет вообще ничего! Пойми же это, наконец, Леонидас! – закричал он.

Он кричал в надежде разозлиться на самого себя, чтобы злость поглотила печальную боль, которая терзала его изнутри, жадно разрывая на куски, подобно дикому хищному зверю, его горящее сердце. Но печаль... она была сильнее, гораздо сильнее...

Глава одиннадцатая

– Нестор, ну-ка, подойди поближе! – позвал ученика первых классов уже закончивший учебу паренек тщедушного телосложения.

Поверх хитона на плечи его был накинут *хламис* – накидка полукруглой формы, закрепленная на груди большой блестящей пряжкой. Редкая борода весьма неудачно обрисовывала чрезмерно худощавое лицо с выпирающими вперед скулами, визуальное подчеркивая и без того крупный нос для столь маленьких бесцветно-серых глаз.

– Анастас! Доброго дня, дружище! – ответил половатый розовощекий человек, одетый в гимантион с пышными складками.

Он держал в руке папку с набросками скульптур и пришел показать их своему наставнику. Вследствие лени и чрезмерной беззаботности Нестор довольно-таки поздно поступил в школу архитекторов, ведь до этого он должен был овладеть достаточно глубокими познаниями не только в анатомии и физиологии человека, но и хорошо освоить арифметику.

На первом этапе надо было сдать экзамен еще по нескольким предметам – таким, как история архитектуры и скульптуры, гармонии и философии, а также требовалось продемонстрировать свой талант, вылепив из глины в течение часа несколько фигурок (будь то подобия людей или же животных, на усмотрение ученика). По итогам всех этих этапов совет учителей школы выносил решение в отношении того, в какой класс определялся поступающий.

Учиться в подобной школе могло посчастливиться не каждому, поскольку здесь ценились не только знания, но и способности будущего студента. Немаловажным фактором являлось и то, что процесс обучения, с целью обнаружения действительных талантов, был совершенно бесплатным для учащихся. Подающим надежды ученикам выделялись мастерские для дальнейшей работы и определялись заказы с ограниченным сроком их окончания. Все расходы школы, в том числе ежемесячную оплату труда учителей, брала на себя государственная власть соответствующего полиса.

– Не надоело таскаться с этой папкой туда-сюда, Нестор? – усмехнулся худощавый ученик.

– А тебе-то что? – покраснел возмущенный до глубины души добряк Нестор. – Да и поступил я! Можешь поздравить!

– Ах, та-а-к! – специально растягивая слова, с намерением еще больше раздражить товарища, пропел Анастас. – Ну что ж, окончишь школу... а там, глядишь, и помирать пора! – расхохотался по натуре вредный парень.

– Иди отсюда, – стараясь выглядеть как можно более невозмутимо, ответил уже начавший расстраиваться Нестор, – не отвлекай меня!

Ему нечего было больше сказать: он не находил подходящих слов для ответного удара, поскольку для успешного участия в подобного рода словесных перепалках имел слишком добродушную натуру.

В ответ Анастас рассмеялся еще громче, фальшиво хватаясь за сердце.

– А может, тебя из жалости пропустили на следующий уровень, испугались, что прямо на экзамене от старости умрешь?! – продолжал издеваться он.

– Да чего ты от меня хочешь?! Чего прицепился-то?! – сжав кулаки и раскрасневшись настолько, что это действительно начало представлять опасность для жизни, выдал из себя Нестор.

– О, дружище, полегче! – удивленно проговорил Анастас, заметив, как тот весьма решительно надвигается на него с поднятыми вверх руками.

– Иди же, сказал я тебе, вон! – снова прошипел разъяренный новоиспеченный ученик.

– Да я и не думал смеяться над тобой, Нестор, – начал оправдываться Анастас, понимая, что зашел в своем поведении несколько дальше, чем планировал. – Хотел только сказать, что у нас тут скульптор поселился, а я буду у него учиться!

– И зачем ты мне это говоришь? Что, хвалишься? – начиная приходить в себя и уже забывая про недавние оскорбления, с любопытством спросил Нестор.

– Конечно, хвалюсь! Это сам Леонидас, скульптор, про которого рассказывал учитель Аристэйос. Он собирается сотворить нечто грандиозное, так я слышал! – подойдя ближе к толстяку, будто выдавая чрезвычайно важный секрет, прошептал Анастас.

– А как ты к нему в ученики напросился? – начал интересоваться Нестор, весьма впечатленный внезапно окружившей его таинственной атмосферой.

– Он еще не знает об этом, – замылся Анастас, – но, думаю, это для меня не помеха: все в этой школе знают, что я обладаю редким талантом!

Парень гордо поднял голову и выставил грудь вперед. Нестор вытаращил глаза. Ему показалось, что Анастас увеличился в росте здесь же, сейчас же.

– А за меня сможешь попросить? Ну, я прошел первый уровень, а второй, что уж скрывать, хромает... Ну, лепки фигурок... Ты знаешь! – заискивающе вымолвил он.

– Да это же самое главное, дружище, – пожав плечами, помотал головой Анастас, – как же так?! Ты что, ничему за эти годы так и не выучился?

– Выучился, конечно же, – запротестовал добряк, – но хотелось бы так, чтобы не только взяли в школу, а еще и заметили! Потому и подумал сейчас... может, стоит получить несколько уроков у скульптора, про которого ты говоришь. Лепку у меня примут через неделю, времени еще целых семь дней!

– Он очень странный и мрачный тип, скажу я тебе, – снова шепнул Анастас, склонившись к самому уху Нестора, – но очень уж талантлив! И я бы мог, конечно же...

Лукавец специально не договорил, так как видел, что волна смятения, образовавшаяся в Несторе, еще не достигла нужной ему высоты.

– Ну, если хочешь... конечно, я мог бы попросить и за тебя, – хитро прищурился Анастас начал подготавливать почву для осуществления своего хитрого умысла.

Нестор почувствовал, как начали потеть его руки. Не решаясь проглотить крючок с наживкой, которую подкидывал ему коварный товарищ, он продолжал смотреть на него широко раскрытыми глазами.

Тот же, в свою очередь испугавшись смелости, которой и сам от себя не ожидал, тоже решил переждать.

Они молчали минуты две, но корысть все-таки взяла свое.

– Я замолвлю за тебя словечко, Нестор! – снисходительно улыбнувшись, сказал Анастас и поднял одну бровь, продолжая смотреть на наивного толстяка.

– Да? Ты сделаешь это? Да, да, ты сделаешь это! – обрадовался Нестор, которому, как в минуты особой радости, так и в моменты сильного раздражения, не хватало красноречивости.

– Но... ты понимаешь, что это будет стоить мне немалых усилий... Понимаешь ведь, Нестор? – нерешительно, но в то же время очень уж многозначительно намекнул Анастас, решив, что пора действовать.

Нестор на минуту опешил. Он снова начал потирать руки.

– Да-да, я все понимаю... Но если, конечно, это в моих силах!

– Да ладно тебе жадничать! Я знаю, что отец твой является одним из самых крупных виноделов Аргоса! Ну, подкинуть товарищу за услугу немного мелочи нетрудно ведь! – обрадовался Анастас, по-дружески подтолкнув опешившего Нестора локтем.

Тот сжался и хихикнул.

Оба были довольны. Радость, что они нашли общий язык, не оставила атмосфере недопонимания ни малейшего местечка.

Ставшие приятелями, будущие скульпторы пожали друг другу руки и, назначив место завтрашней встречи, распрощались.

Весь этот разговор происходил в тот момент, когда Леонидас в очередной раз побежал к храму великой Богини, чтобы проникнуться ее божественно-царственной аурой.

Глава двенадцатая

Леонидас понимал, что, несмотря на значительное влияние Аристэйоса в кругах исполнительной власти Аргосского полиса, достать разрешение на столь монументальный проект будет нелегко. Однако даже такие серьезные опасения не могли заставить его допустить и мысли о категорическом отказе в ответ на прошение учителя.

Работы великого Диодора начали воодушевлять юного скульптора с тех самых пор, как он впервые увидел статую Зевса в Олимпии. Это был решающий миг, перевернувший все его представление об истинных способностях человека. Леонидас именно тогда и понял, что нет в жизни ничего такого, чего он не смог бы создать. Поистине божественное творение Диодора заставляло его задуматься о некоей сверхъестественной силе самого скульптора, ибо размах сего творения переворачивал сознание человека, после чего все на свете казалось настолько мелочным и пустым, что создатель начинал замечать в обычных явлениях своего бытия совершенно противоположные прошлому пониманию истины.

Тогда в Олимпии, в том храме, где Царь Вселенной Зевс важно восседал на золотом троне, основание которого было украшено танцующими Никами – богинями победы; там, где великий Бог Олимпа словно накрывал блестящей, усыпанной драгоценными камнями накидкой все живое и мертвое на земле, показывая свою мощь, бесконечность и любовь... именно в этом царстве Леонидас родился заново, прикоснувшись к самому сокровенному человеческой души – бессмертию!

«О Диодор, как же ты видел, как думал, что ощущал, создавая, творя?! Ты не оставил Зевса одного на этой земле, создав еще Афину Промехос и Афину Парфенос! Деву и Победительницу!.. Да, Диодор, ты победил всех на этом свете, сумев отделить стремление творить от всех личных желаний и мыслей! Вот чего я боюсь: не сумею пересилить свою слабость! – раздумывал юный скульптор, сидя под колоннами святилища Геры. – Храм без хозяйки, как же это могло случиться?! Неужели исправить это выпало на мою долю и Боги сами определили обязанности каждого смертного? А может... я просто самонадеянный глупец? Как мне теперь узнать это, кто сможет ответить на столь мучающий мое сознание вопрос?.. Или я сам знаю ответ? Сердце, подскажи, не молчи, просто выбивая тревожные удары, ибо разум заводит меня в такие глубины своего лабиринта, что я начинаю терять спасительную нить, она выскальзывает из моих рук, заставляя стучать тебя еще более бессмысленно!»

Юноше не хотелось возвращаться в уже опустевшую школу, где он еще более остро ощущал свое одиночество. Только на природе ему удавалось чувствовать себя свободным от всех печалей и сильным настолько, что он снова начинал верить в себя. Каждый раз, смотря на звезды в небе, Леонидас начинал проводить по воздуху пальцем, пытаясь связать их так, чтобы вспомнить лицо своей матери. В каждой из них он видел ее сияющую улыбку и взгляд...

И тут его осенило!

– Нет, все нужно продумать очень тщательно! Сначала решить с чего начинать, а потом уже... Да, они *сами* попросят меня об этом! Идеальная работа взамен на воплощение мечты в жизнь! Не стоит удивляться: только материнскую любовь получаешь бесплатно, за все остальное приходится расплачиваться! Гера, я нашел выход! – волнуясь, шептал Леонидас.

С нетерпением он ждал наступления утра, чтобы побежать в школу и встретиться с учителем. Юноша знал, что и тот со времени их последнего разговора мечется среди противоречивых мыслей, боясь отказа со стороны Совета Скульпторов. И теперь он сможет избавить Аристэйоса от тяжелого бремени обещания, которое он дал своему ученику.

Леонидас лежал на земле и только улыбался мигающим ему звездам. Он знал, что там, высоко, кто-то думал о нем и пытался направить на путь истины.

– Красавица Ариадна, моя путеводная звезда! Все обман – все, что я пережил! Только ты была и остаешься правдой... незыблемой, непоколебимой! Матушка, я вижу тебя во всем, что меня окружает! Воздух, которым я дышу, – твое родное дыхание; ветер, глядящий мои волосы, – твои нежные руки; солнце, встречающее меня теплотой каждое утро, – твоя неустанная забота; в ночи же я слышу твой тихий голос, поэтому я и люблю ее так сильно! Ариадна, красавица, моя Богиня Гера! – шептал юноша уже во сне.

Проснувшись от подсознательного нетерпеливого ожидания утра, Леонидас поспешил в школу. Он почти бежал, не обращая внимания на то, что снова забыл надеть сандалии, и теперь лишь удивлялся тому, что случилось с его пятками, если они причиняют ему боль при каждом шаге. Конечно же, юноша и не заметил, что попросту бос. В голове у него было одно: добежать до мастерской, увидеться и поговорить с учителем, а потом сразу же взяться за дело.

– Лео! – едва добежав до порога школы, услышал он тихий женский оклик.

Леонидас остановился. Сердце его словно замерло на мгновение. Неужели показалось? Но нет, он ясно почувствовал ее, и это ощущение было более правдивым, чем сам голос.

– Зачем ты пришла, снова явилась передо мной? – обернувшись, но не глядя на девушку, еле пересилив себя, вымолвил он.

– Лео, я... Я столько думала, где ты можешь быть. Хотела ночью пойти на кладбище, но так и не решилась! Не знаю, долго думала, но не пошла... И вдруг, совсем случайно, я вспомнила про учителя, твоего наставника! Пришла в надежде, что он сможет помочь мне отыскать тебя... и вот! Ты передо мной! – проговорила Филомела дрожащим от волнения голосом.

Юноша помотал головой. Он не мог ей ответить сразу. Возникший в горле ком начал спускаться вниз.

Леонидас схватил девушку за руку и, торопясь, потащил к себе в мастерскую. Быстро заперев дверь, он отошел в сторону, стараясь не смотреть на нее.

– Лео, все не так, как ты думаешь! Я не могу без тебя! Позволь, позволь мне объяснить! Все произошло так нелепо, а ты даже не понял этого! Я, конечно же, виновата, но клянусь тебе всеми Богами, мне и в голову не приходило допускать какую-либо вольность по отношению к этому, – она не решилась произнести имя мясника, боясь реакции юноши, – ну, того, с кем ты подрался!

Леонидас сделал усилие над собой и поднял на Филомелу глаза. Небольшой плащ – хлайна, который девушка небрежно второпях надела, слетел в тот момент, когда он в порыве чувств чуть ли не затолкнул ее в свою комнату. И теперь она стояла перед ним с распущенными волосами, с несшитым с одной стороны хитоном, который обнажал правое хрупкое, чуть загорелое плечо, с левой же стороны был закреплен алого цвета застежкой-фибулой. Красовавшиеся на груди драпировки были туго собраны на уровне талии и еще более демонстративно обрисовывали тонкую фигуру девушки.

«Она красива, как утренняя свежесть!» – промелькнуло у него в мыслях.

Леонидас понял, что уже не устоит перед ней, но решил бороться с собою до конца.

– Лео, скажи хоть что-то, умоляю тебя!

Филомела подбежала к нему и встала так близко, что он ощутил на своем лице дуновение ее запаха. У него закружилась голова. Юноша отпрянул в сторону, еле удержавшись от того, чтобы не схватить девушку и не прижать к себе так сильно, чтобы она, наконец, растворилась в его объятиях.

– Лео, – взмолилась она, – умоляю тебя!

Слезы потекли из ее глаз. Молодому скульптору показалось, что они начали прожигать его кожу.

– У меня болит душа, неужели ты этого не видишь? Лео, Лео, скажи мне хоть одно слово! – не выдержав, вскричала Филомела.

Леонидас опустил голову. Он боялся, что девушка увидит в его глазах все то, что он так усиленно скрывал.

– Уходи, Филомела, – еле выговорил юноша.

– И все? Это все, что ты мне можешь сказать? Снова прогоняешь?! За что? За что, Лео? Что я тебе сделала? Если ты так поступаешь со мной из-за Алексиуса, то знай: у меня никогда с ним ничего не было и быть не может! – закричала она, схватившись за складки его гимантиона.

– Филомела, отпусти меня! – тяжело дыша, тихо прошептал он и сделал шаг назад. – Не смей больше так ко мне прикасаться!

Она не отпустила его, сквозь слезы дерзко продолжая на него смотреть.

– Филомела! – изумленно повторил Леонидас вновь.

Девушка схватилась за него еще крепче.

– Ну же, попробуй оттащить меня от себя, – поднявшись на цыпочки и приблизившись к его лицу, упрямо проговорила она.

Он ощутил теплоту ее тела. Филомела смотрела в его глаза – чуть удивленно, чуть испуганно. Ее взгляд проник прямо в сердце Леонидаса, заставив его полыхать в огне.

– Фили, ты испытываешь всю мою выдержку, сама того не понимая! – чувствуя, как глаза переполняются жгучими слезами, закричал юноша.

– Да, ты так считаешь?! Так не сдерживай себя! Хотя бы раз в жизни! Поступи, как чувствуешь, как хочешь! – неожиданно для себя хлестнула его по щеке Филомела. – Я ненавижу тебя за это! За то, что ты так холоден ко мне!

– Ты сошла с ума?.. Я?! Я холоден?! Филомела! Не произноси слов, о которых будешь жалеть впоследствии! Я не каменный, не железный! Не заставляй меня! Уходи отсюда... – негодуя, дрожа всем телом, произнес он.

– Ну же, Лео! Чтобы избавиться от меня, тебе придется оторвать мои руки!.. Ты должен будешь задушить меня, убить! По-другому я никогда из твоей жизни не уйду! – зарыдала она, стуча изо всех сил кулаками по его груди.

Леонидас не двинулся с места. Филомела чуть ли не рвала его плащ, она что-то еще говорила, не переставая плакать, но юноша уже не слышал ее. Голова переполнилась гулом, он еле держался на ногах, и то бесформенное, не поддающееся здравому смыслу желание перебороть всеобъемлющий шум взяло верх над выдержкой юноши. Он схватил девушку за руки и посмотрел ей в глаза чужим диким взглядом.

– Никогда, больше никогда не смей прикасаться ко мне! Сумасшедшая гречанка, глупая девчонка, как ты смеешь вынуждать меня уничтожить себя! Говорю же тебе: беги отсюда, спасайся! – с трудом выговорил он, пытаясь разжать стиснутые зубы.

И тут раздался стук в дверь.

– Леонидас, сынок, ты вернулся?

Это был Аристэйос.

Его голос отвлек юношу. Обернувшись, он прислушался. В тот же миг весь шум из его головы испарился, не оставив после себя ни капли злости. Леонидас словно очнулся, обнаружив себя в своей комнате, в мастерской. Мягким движением руки он отнял руки буквально истощенной от пережитых эмоций девушки от своего гимантиона.

– Да, учитель, я здесь. Немного занят сейчас, потому зайду к вам чуть позже! – приблизившись к двери, ответил он своим обычным голосом.

– Хорошо, сынок, я у себя буду до вечера, – сказал Аристэйос.

Леонидас услышал удаляющийся звук его шагов. Постояв немного, тревожно вглядываясь в одну точку на двери, он осторожно перевел взгляд на Филомелу. Она отошла к стене и молчаливо стояла, понурившись и съежившись, подобно котенку. Юноше вдруг стало жалко ее...

Все то, что он решил для себя в отношении этой девушки, потеряло смысл и стало казаться чем-то далеким и не из его жизни. Он забыл обо всех мелочах, которые причиняли ему точечную (и от того еще более невыносимую) боль.

Леонидасу так сильно захотелось обнять Филомелу и насладиться ароматом ее волос! Он жаждал быть ласковым с ней! Да, именно это чувство ему было жизненно необходимо передать ей в тот миг!..

– Фили, – неожиданно для девушки произнес он и наперекор своей же воле раскрыл объятия.

Она не верила глазам и только испуганно смотрела на него.

– Фили, иди сюда, – повторил он, улыбнувшись еще более нежно.

Она кинулась к нему на грудь, сотрясаясь то ли от истерического смеха, то ли от горького плача.

– Ну же, Фили, успокойся... Маленькая Фили! – прошептал Леонидас, вдыхая запах ее волос. – Ну как же это тебе удастся так меня ломать? Разламывать на мелкие безвольные куски мое сердце!

– Ты простил меня, правда? – всхлипывая и утирая слезы, робко спросила Филомела.

– Не совсем, но почти, – промолвил он.

– Лео, я так... Так счастлива! – вскрикнула она.

– Но тебе нельзя оставаться здесь более, – старался оторвать себя от нее юноша, понимая, что еще немного, и не сможет ее отпустить. – Тебе уже пора, Фили! – сказал он, еще сильнее, еще страстнее прижав ее к себе.

– Я не хочу уходить, Лео! – возразила она, помотав головой.

– Фили, не перечь мне, пожалуйста, тебе не место здесь. Уходи домой. Нет, постой, я тебя провожу! – резко передумал он.

– Хорошо, как скажешь, – боясь нарушить гармонию, которая так внезапно наступила между ними, согласилась девушка, нехотя отстранившись от него.

Подобрав с пола хляину и головной платок, Филомела медленно подошла к двери.

– Фили, не выходи без меня, – суетливо ища в сундуке запасную пару сандалий, обратился к ней Леонидас.

– Конечно же, любимый! – улыбнувшись, ответила она.

Пока юноша в спешке разбрасывал свои вещи на полу, девушка удивленно наблюдала за ним, никак не понимая, на что были направлены его действия.

– Так... придется пойти босым, – решил Леонидас, поняв, что старания его тщетны.

– Лео, у тебя нет сандалий? – удивилась Филомела.

– Да забываю я их, то там, то не там! – коротко ответил юноша.

– Где?.. Только не говори, что на кладбище, Лео! – насторожилась она. – Там свои вещи оставлять нельзя, это плохая примета!

– Филомела, если он... этот... Ты поняла, про кого я! Если он еще раз посмеет побеспокоить тебя, обязательно дай мне знать! – не ответив на вопрос, наказал он. – Обещай!

Девушка только покорно кивнула в знак согласия.

Леонидас взял ее за руку, и они вышли из мастерской. Он провел подругу через двор школы к выходу, не обращая внимания на любопытные взгляды стоящих там учеников и учителей. За напускным равнодушием юноши скрывалась радость, которая охотно заполняла его бездонную душу...

Но там, где-то на самом дне, не совсем заметное, но все же существовавшее чувство под названием «недоумение» задавало ему лишь один вопрос, на который юный скульптор не в силах был ответить из стыда перед самим собой.

«Как ты снова допустил свой неизбежный смертельный исход, вернувшись к самому началу, Леонидас? Все громко, торжественно высказанные обещания теперь потеряли смысл,

а ведь некоторое время назад они обладали масштабностью, способной превратить в развеваемый ветром пепел всякое разочарование! Ты слаб, нечего отрицать этот неопровержимо существующий факт! Твои сердце и душа не ладят между собой, и именно по этой причине идут в противоположных направлениях! Мозг же затерял себя, не зная, в какую сторону податься, чему предаться!» – упорно вертелось в голове.

Он посмотрел на радостное лицо Филомелы, стараясь найти в ней хоть какое-то оправдание своим чувствам.

– Фи́ли, я решил жить в школе некоторое время. Мы будем встречаться, конечно же... но ты ко мне больше не приходи. Я не хочу, чтобы тебя разглядывала толпа мужчин, через которую мы только что прошли! – обратился к девушке Леонидас, как только вышел с ней на главную дорогу.

– Но как мы будем видеться в этом случае? – встревожилась она, сжав его руку сильнее.

– Я буду навещать тебя. Как только дойдем до твоего дома, зайду и спрошу разрешения у кирии Офелии выходить вместе, – неуверенно произнес он.

– Что? – удивилась Филомела, приостановившись.

Засомневавшись в искренности юноши, она упорно смотрела в его глаза, пытаясь уловить точное значение всех продемонстрированных им сегодня поступков и слов.

– Фи́ли, я вполне серьезен! Что за вопрос блуждает в твоих глазах? Разве не этого ты хотела и упорно добивалась все это время? – встревожился Леонидас, ощутив сомнения девушки в его честности.

– Нет, Лео, нет, – начала отрицать Филомела, – я это от радости! Пойми, мне сложно поверить в происходящее не потому, что я не доверяю тебе, а по той причине, что все это очень неожиданно! – вскрикнула она радостно.

– О Фи́ли, Фи́ли, – улыбнувшись, покачал головой юноша, – тебе все-таки удалось переубедить меня!

– То есть... сам ты этого не хотел? – опустив голову, нерешительно спросила она.

Леонидас остановился. Он пока что не знал точного ответа на ее вопрос.

– Перестань копаться в моих чувствах. Я скажу все, когда буду готов и посчитаю нужным, – ответил твердо юноша.

Девушка пожалела, что вообще завела разговор в это неуместное для них обоих русло. «Отчего же ты не держишь язык за зубами, Фи́ли!» – начала винить себя она. Теперь Филомела тихо шла рядом, молясь про себя, чтобы любимый ею человек не передумал встречаться с ней. Она хотела было объясниться, доказать ему, что не так дотошна и назойлива (как он наверняка уже предполагал), но, даже коря себя внутри, девушка не решилась нарушить воцарившееся молчание.

– Филомела, наверное, тебе не надо повторно указывать, с кем не встречаться, не общаться и даже не здороваться?! – еще раз повторил свой недавний вопрос Леонидас.

Она снова покорно кивнула головой.

– Ты зайдешь к нам?

– Филомела!

– Да, прости, ты говорил, что...

– Тогда незачем переспрашивать!

«Что я сделал? Зачем, по какой причине?! Теперь дороги назад уже нет! Надо ли тебе это? Нет, действительно ли ты так ощущал необходимость в том, чтобы связать себя узами с этой девушкой, так внезапно ворвавшейся в твою жизнь? Она вообще в себе? Нет, она в тебе, Лео, в тебе!» – понимал скульптор.

Чуть наклонив голову, Леонидас незаметно взглянул на нее. Сердце начало биться чаще и сильнее. «Что это, о Боги? Неужели я люблю ее?!» – заметно взволновался юноша.

– Мы почти дошли, Лео, – первой прервала молчание Филомела.

Остановившись, она отпустила его руку. Видно было, как девушка волнуется. Потирая вспотевшие ладони, она то и дело испуганно поглядывала на него.

– Ты, Лео... Если ты не уверен, то... То я пойду? – робко выговорила она.

– Что? Не понял тебя! – удивился он ее словам.

– Я вижу... Вижу, что ты не хочешь! Нет, я не хочу заставлять тебя! – положив свою голову ему на плечо, прошептала Филомела.

Юноша не понимал в ту минуту, как и что с ним происходило, но то чувство, которого ему не хватало... именно оно теперь заняло пустующее место. Леонидас подождал, пока девушка сама не подняла голову и, снова сжав ее руку, повлек за собой.

Подойдя к двери, он громко постучал. Филомела затряслась от страха перед матерью и снова попыталась высвободить свою руку, но он не позволил.

– Фили! – насторожилась женщина, увидев свою дочь с Леонидасом.

– Доброго дня, кириа Офелия! – решительно обратился к ней юноша.

– И тебе того же, – нехотя ответила та.

– Я могу зайти к вам в дом вместе с Филомелой? – спросил Леонидас.

Женщина промолчала, лишь недовольно отведя взгляд в сторону.

– Кириа Офелия, мы можем поговорить у вас дома? – нахмурившись, переспросил юноша.

Он был крайне озадачен тем, что встречен настолько негостеприимно.

– Филомела, отпусти сейчас же его руку и зайди домой, – приказала женщина дочери, не обратив внимания на слова юноши.

– Матушка, – вскрикнула Филомела, – что с тобой?

Она перевела молящий взгляд на Леонидаса, чтобы как-то оправдать поведение матери, но он уже был слишком зол для того, чтобы выслушать ее.

– Лео, не уходи! – взмолилась девушка, вцепившись в него сильнее.

– Филомела, наглая девчонка, прекрати позорить себя! – прикрикнула на нее мать.

Она уже было размахнулась, чтобы дать пощечину, как Леонидас схватил ее руку и грубо опустил вниз.

– Не смейте! – угрожая ей свирепым взглядом, закричал он.

– Да кто ты такой, чтобы указывать мне, как поступать! И пристало ли порядочному греку, каковым, вероятно, ты себя считаешь, приставать к чужим невестам?! – с яростью завопила она.

– Что? – ужаснулась Филомела. – О чем ты, матушка... как, чья невеста?!

– Алексиуса! – выпалила мать в лицо юноши.

– Фили, – побледнев, обратился к девушке Леонидас, – что происходит?

– Я не знаю! Клянусь, Лео! – с ужасом в глазах помотала головой Филомела.

– Я отдала свою дочь за Алексиуса, парень... так что отпусти ее руку и больше не смей нас беспокоить! Как ты смеешь вообще прикасаться к ней, негодяй?! – продолжала возмущаться Офелия.

– Матушка, да ты сошла с ума! При чем тут Алексиус? – схватившись за голову, вскричала Филомела. – Зачем ты все это говоришь?!

– Ты что, забыла, что вчера еще призналась мне в своих чувствах к Алексиусу? – подболевшись, нагло солгала женщина. – А сегодня утром он посватался, и я, конечно же, согласилась. Он будет тебе хорошим мужем, Филомела, ты и сама прекрасно это знаешь! Так что утри слезы и зайди, наконец, в дом!

– Матушка, когда такое было?... О чем ты, о чем?! Скажи правду, ведь не было ничего этого! – начала плакать Филомела. – Лео, не верь ей! – взмолилась она, кинувшись к юноше, который с трудом сдерживал себя, чтобы не вцепиться в горло кирии Офелии и не придушить ее – лишь бы не слышать больше ее голоса, ее слов...

– Хватит уже, Филомела, тащить сюда этого оборванца! – презрительно оглядев Леонидаса с ног до головы, проговорила кириа Офелия. – С этого дня я запрещаю тебе выходить из дома... разве только со своим законным женихом! – гневно завершила свою речь она.

– Лео, любимый, не бросай меня! – сквозь слезы воскликнула Филомела в ту минуту, как мать схватила ее и толкнула в дом.

Леонидас хотел было вырвать девушку из рук матери, но остановился. Юноша отвернулся и, не обращая внимания на ее ясно доносящиеся до него мольбы, быстро пошел прочь. С каждым шагом он все слабее слышал голос Филомелы.

Леонидас побежал, чтобы перестать ее ощущать. Все его тело болело невыносимой мукой унижения и отчаяния.

«Отдала за Алексиуса! За Алексиуса!» – стучало в голове, в висках и глазах юноши.

Глава тринадцатая

Леонидасу надо было осознать то, к чему он совсем не был готов и что случилось так внезапно. Именно в тот миг, когда юноша все-таки решился допустить в свою жизнь другого человека, теперь, когда он чувствовал что-то еще, кроме печали, он уже не смог бы смириться с тем, что потерял эту возможность.

Как?.. Как он смог бы притворяться, что ничего не произошло, или же сделать вид, будто на самом деле вся история с Филомелой не имеет для него особого значения?! Нет, это было невозможно, ведь он уже снес обитель своей души, которая безопасно проживала в ней до этого времени. Теперь же Леонидас стоял один среди развалин этого дома, лицом к лицу с потревоженной душой, в глазах которой он видел лишь молчаливый упрек! Чувство обиды – острой, злой – засело ножом у него в груди...

Весь день юноша плутал по улицам, не замечая никого вокруг. Ему необходимо было находиться в постоянном движении, чтобы подавить в себе кричащее желание вернуться и вырвать Филомелу из рук беспощадной матери с ее непонятными мотивами поступков... и спросить!.. Узнать наконец-то правду! Понять – действительно ли эта девушка могла бы принадлежать не одному лишь ему!

Ему хотелось перекопать все ее чувства, искромсать их на мельчайшие частицы, растворить их по одной в воде, внимательно наблюдая за тем, мутнеет ли она!..

Под вечер ноги начали отказывать юноше в подчинении, демонстрируя свой протест нытьем не дающих ему покоя мозолей и ссадин.

Он так и не надел сандалии и ходил весь день босой.

Леонидас зашел в таверну, сел за свободную скамью и заказал вина. Опустошив первую амфору, принялся за вторую. Этот напиток, способный окутать человека розовым с темно-бордовыми полосами туманом, обладающий не только глупо веселящим, но и обездвиженно-тоскливым эффектом, немного успокоил его. Мятежные порывы его несчастного сердца ушли вглубь и умерли на время.

Леонидас пил прямо из горла амфоры, даже не наливая вино в *мастос* (сосуд с выпуклым дном, который нельзя поставить на стол, не допив его содержимое), и ощутил, как волна горячей крови хлынула по его жилам, заставив тело разомлеть. Юноша все более смутно представлял перед глазами лицо Филомелы, ее глубокие карие очи, при каждом взгляде в которые видел себя.

Он посмотрел на свои руки и вспомнил, как совсем недавно девушка держала их, то нежно, с любовью, то сильнее, сжимая их, боясь выпустить. Хваталась за него до последнего мига, он же просто ушел, обидевшись, разозлившись, возгордившись.

Леонидас до сих пор чувствовал на ладонях девичье тепло. Сердце разрывалось, внутри клокотал адский огонь.

«Ты недостойный человек, Лео! Одно упоминание имени этого подлого Алексиуса – и все! Начинаешь сходить с ума! Слабак! Вместо того чтобы просто свернуть ему шею, ты сидишь и напиваешься, как грязная свинья! – все больше злился он на себя. – Надо было во что бы то ни стало увести ее с собой! Так отчего же ты не сделал этого, Леонидас?.. Как ты мог оставить эту девушку там, плачущую, молящую тебя о помощи?! – коря себя, распаялся юноша все больше. – Я сейчас же пойду туда и убью его! Одним негодяем на этой земле станет меньше, а в земле – больше!»

Резко встав на ноги, он чуть было не упал, так как ноги, подло предав его, подкосились.

«Нет, Лео, не смейся людей еще больше! Сиди и наслаждайся этим великолепным творением человечества, которое теперь управляет тобой!» – смирившись со своим внутренним состоянием, усмехнулся он и снова прильнул к кувшину губами.

Постояльцы вокруг кричали, смеялись, обнимались, затевали долгие споры и минутные драки. Юный скульптор заставил себя наблюдать за ними, чтобы отвлечься от тяжелых дум. Он отмечал мысленно все изъяны их тел и старался представить их другими, более идеальными. «Как же было бы хорошо, если бы все эти люди, шумя, веселясь, вдруг застыли бы в естественной позе, а я бы сделал слепки, увековечив движение их жизни!» – подумал юноша. Ему казалось, что он созерцал след бурлящей энергии в воздухе, содержащей в себе тысячи эмоций!

Но люди редели, столы пустели, опьяняющий запах вина в душном помещении ощущался все острее и тошнотворнее. Леонидас впадал в забытие, потом же вздрагивая, открывал глаза и, оглядываясь вокруг, в первую минуту не понимал, где находится. Далее снова, вспоминая с самого начала произошедшие за последние дни события, он жалел о том, кем являлся в данный миг. Ему хотелось быть одним из тех беспечных (как ему казалось) мужчин, озадаченных ничтожными, не стоящими внимания заботами.

«Нет, все это не так! Я не оставлю ее Алексиусу! Да и имеет ли мать право отдать дочь тому, кого считает более достойным мужем?! Неужели имеет?.. И кто он? Достойный? Насколько? Насколько выше меня? Намного ли? Он или я? Я или он? – судорожно размышлял юноша. – О Лекси, держись теперь! Я покажу тебе, на что способен Леонидас! Проходимец Алексиус не стал терять времени даром и втерся в доверие Офелии!.. Что же он пообещал ей? Золото? Лучшую жизнь?! Но он пожалеет о том, что положил глаз на Фили! Недостойный Леонидас перережет его достойное горло этой жадной до темных дел ночью, под этой прекраснейшей, вечно жаждущей прекрасного любовника прекрасной луной!» – скульптор провел кулаком перед глазами и со всего размаха опустил его на стол.

– Эй, дружище, ты в порядке? – подойдя, обратился к нему хозяин таверны.

Он давно присматривался к странно ведущему себя босому юноше, который то и дело обращался, по всей видимости, к воображаемым образам, порою даже угрожая им. «На что способно вино, на то не способны Боги Олимпа!» – рассуждал мысленно мужчина.

– Парень, закрываюсь я уже! И тебе пора идти домой! – дотронувшись до плеча Леонидаса, проговорил он.

– Куда?! Домой?! – усмехнулся юноша, подняв голову со стола. – У меня с детства его нет! Отстань, оставь меня в покое и не приставай, человек, дарящий несчастливцам мнимое счастье!

– Ты что, плохо слышишь? Я же сказал, что заведение закрывается! Ну-ка, выходи, философ, я и так достаточно припозднился из-за тебя! – пытаясь вытолкать Леонидаса из-за стола, стал настаивать хозяин.

Тот, сонно посмотрев на мужчину, небрежно вытащил из кармана пару золотых гемигект и швырнул их в него. Монеты со звоном упали на пол.

– Я останусь здесь! А ты можешь идти ко всем чертям, а лучше... погрузись в царство Аида, прихватив с собою это проклятое золото, которым можно покупать души для самого Бога тьмы! А еще... передавай ему привет от меня. Скажи, что я собираюсь к нему навечно! Скоро спущусь туда, чтобы взбесить его так, как это понимаю я!.. Но до этого принеси еще вина! – приказал он хозяину.

Такого мужчину точно не ожидал. Изумленно посмотрев на юношу, а потом быстро подняв монеты с пола, он побежал исполнять поручение гостя.

Через минуту хозяин уже стоял перед Леонидасом.

– Не подливай, не люблю я эту посудину! – проворчал юный скульптор, увидев, как тот притащил с собою еще и серебряный мастос. – Поставь кувшин на стол и уходи! У меня есть свои гости! Надобно рассадить их так, чтобы никого не обидеть!

– Парень, о ком это ты? – озираясь по сторонам, испуганно спросил мужчина. – Или ты не в себе? Пьян, болен головой?

– Я болен душой и мироощущением... но тебе этого не понять! – устало отмахнулся Леонидас. – А вы присаживайтесь поближе и не обращайтесь на него внимания! – обратился он к своим невидимым друзьям.

Юноша сделал движение рукой, словно действительно видел кого-то. Вконец оторопевший хозяин на всякий случай отошел подальше. Заметив это, Леонидас расхохотался.

– Завтра я принесу тебе еще несколько золотых монет, даю слово истинного грека! Ты их заслужил тем, что позабавил меня, – грустно улыбаясь, заверил он мужчину.

– За пять золотых можешь пригласить сюда кого хочешь, сумасброд! – решил тоже пошутить побледневший хозяин.

Услышав это, Леонидас встал и, еле держась на ногах, поднял кувшин с вином вверх.

– Ты единственный человек на свете, за здоровье которого я хочу выпить! Будь всегда здесь, чтобы я мог навещать тебя в минуты глубокого уныния и самобичевания, мой друг, – торжественно обратился он к мужчине.

Обливаясь вином, юноша сделал несколько больших глотков, после чего плавно опустился вниз.

– Ты же недавно меня к Аиду посылал! – рассмеялся хозяин. – Скажи мне хотя бы свое имя, чтобы я не называл тебя сумасбродом!

Леонидас удивленно поднял брови.

– Мое имя покинуло меня... как и все, что принадлежало мне когда-либо. Оно убежало вместе с теми, кто был мне дорог. Все эти нечестивцы сговорились между собой! И потому я решил научиться жить без имени, чтобы перестать быть самим собой! – мрачно ответил он. – Теперь же, когда ты знаешь обо мне больше меня самого, позволь немного вздремнуть здесь... ведь даже сумасброды хотят спать, чтобы, набравшись сил, продолжать сходить с ума!

– Такого бреда я не слышал за все те годы, что содержу это заведение! Оставайся здесь сегодня ночью, так уж и быть! – посмотрев на него с жалостью, согласился мужчина. – Никому еще такого не разрешал, но твои гости упростили меня, – усмехнувшись, проговорил он и покачал головой.

Леонидас поднял на него глаза, полные печали. Улыбнувшись, он хотел поблагодарить хозяина, но не смог этого сделать. Поклонившись, мужчина поднялся вверх по лестнице. Он все еще посматривал на юношу, который держал горло кувшина обеими руками и что-то бурчал под нос.

– Держись теперь, Лекси, жалкий лгун и проходимец! Завтра, когда я обрету человеческий облик, то предстану перед тобой, негодяй! Посмотрю на тебя завтра! Завтра... Завтра... – шептал Леонидас до тех пор, пока не погрузился в сон, тяжело опустив голову на стол.

Глава четырнадцатая

– Учитель, я приношу свои извинения... Вчера не смог навестить вас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.